

ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА

Нижегородская Земская Газета.
здесь, въ городскую публичную библио-
теку.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

НИЖЕГОРОДСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА.

Цѣна номера 5 коп.,
съ пересылкою 7 коп.

№ 34.

Этотъ номеръ содержитъ
3 листа. 1908

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть подписаны авторомъ, съ обозначеніемъ адреса. Въ случаѣ надобности, статьи сокращаются и исправляются. Мелкія замѣтки и сообщенія не сохраняются. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными.

Плата за объявленія: за строку пята въ одинъ столбецъ впереди текста—20 к., позади текста 10 к.

ПОДПИСКА и объявленія принимаются въ Губернской Земской Управѣ.

Адресъ для писемъ: Нижній-Новгородъ, Председателю Губернской Земской Управы, для Земской Газеты.

Подписка цѣна за годъ—1 рубль для Нижегородской губерніи, 2 руб.—для иногороднихъ подписчиковъ.

Содержаніе. Восемьдесятилѣтіе дня рожденія Л. Н. Толстого.—Чествованіе Л. Н. Толстого.—Великій писатель русской земли.—Л. Н. Толстой среди народа.—Л. Н. Толстой и крестьянскія дѣти.—Изъ разсказа „Три смерти“.—Изъ романа „Война и Миръ“, повѣдка князя Андрея.—Въ Бородинскомъ сраженіи.—Советъ въ Филяхъ.—Отъѣздъ Ростовыхъ изъ Москвы въ 1812 г.—Послѣ сраженія подъ Краснымъ.—Изъ романа „Воскресеніе“.—Земское дѣло.—Значеніе кредита для подъема крест. хозяйства.—Текущія свѣдѣнія.—Жизнь въ губерніи.—О ветлужскомъ рыбодовствѣ.—Народное образованіе.—О самостоятельномъ чтеніи учениковъ народной школы.—Страховое дѣло.—Деревья, какъ противопожарное средство.—Сельское хозяйство.—О травосѣяніи въ с. Пурехъ.—Разныя свѣдѣнія.—Вопросы и ответы.—Справочный отдѣлъ.—Погода въ нижегородской губ.

Восьмидесятилѣтіе дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого.

28 августа 1908 года.

28 августа день восьмидесятилѣтія рожденія Льва Николаевича Толстого. Взоры всѣхъ почитателей великаго писателя со всего свѣта прикованы въ эти дни къ Ясной Полянѣ. Сердца ихъ сливаются въ одномъ чувствѣ глубокой признательности автору столькихъ чудныхъ художественныхъ произведеній, человѣку, мощнымъ словомъ столько разъ будившему людскую совѣсть и призывавшему человѣчество на путь любви и братства.

Для насъ, русскихъ, Левъ Николаевичъ долженъ быть въ огненности дорогъ. Въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ онъ воспроизводитъ нашу русскую жизнь. Черезъ нихъ наши мысли, чувства страданія и стремленія становятся понятны цѣлому свѣту, онъ роднитъ насъ съ людьми во всѣхъ концахъ земного шара. Онъ наша гордость и слава, свидѣтельство и обѣтованіе неуывающей внутренней мощи народа, въ которомъ родился такой всемірный геній.

Торжественна была бы эта умленная радость безчисленнаго множества людей во всѣхъ концахъ свѣта, радость тому, что великій старецъ еще съ нами, что мы можемъ еще слышать его живую рѣчь, что тамъ, гдѣ то въ глуши пространной Россіи еще бьется великое сердце.

Къ глубокой скорби и тревогѣ всѣхъ, кому дорога русская литература и тѣ завѣты правды, которымъ служить Левъ Николаевичъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія, въ газетахъ появились извѣстія о дурномъ состояніи здоровья его. Предупреждая наплывъ въ Ясную Поляну посѣтителей, которые могли бы утомить больного старца, графиня С. Толстая сообщаетъ, что послѣдняя болѣзнь Л. Н. (воспаленіе вены ноги) осложнилась инфлюенціей, отъ которой онъ принужденъ оставаться въ постели, до такой степени изнуривъ его, что онъ лично никого рѣшительно, даже самыхъ близкихъ, къ сожалѣнію, принять никакъ не можетъ.

Но мы знаемъ, что въ болѣзни Левъ Николаевичъ окруженъ самымъ внимательнымъ и любовнымъ уходомъ, и съ надеждою будемъ ждать, что могучій организмъ его снова справится съ бо-

лѣзною, и еще многіе, многіе годы Левъ Николаевичъ будетъ съ нами. Русскимъ людямъ, всему міру нужны его великая совѣть, его слово.

Наши привѣтствія и пожеланія не дойдутъ до него: онъ давно безъ крайней нужды ничего не читаетъ, что пишется о немъ въ печати за него и противъ него. Для мудреца на порогѣ смерти людская слава—дымъ. Но мы знаемъ, какъ цѣнить онъ всякое безкорыстное слияніе людскихъ сердецъ, и потому мы должны, для себя, чтобы чувствовать, что есть совершенствованіе, что наша жизнь можетъ идти иначе, безъ бездны теперешнихъ безконечныхъ горя и страданій, мы должны слиться въ одномъ чувствѣ и порывѣ благоговѣйной признательности Великому.

Далѣе мы помѣщаемъ біографическія и другія свѣдѣнія о Л. Н. Толстомъ и отрывки изъ его произведеній. Мы выбрали эти отрывки изъ сочиненій, мало доступныхъ (по объему и цѣнѣ) читателю изъ народа. Его мелкіе разсказы, много разъ переизданные по самой дешевой цѣнѣ, вѣроятно, извѣстны достаточно среди грамотныхъ крестьянъ или могутъ быть легко приобретены.

Чествованіе Льва Николаевича Толстого.

Комитетъ недавно собравшагося перваго всероссійскаго съѣзда представителей русской печати опубликовалъ въ газетѣ слѣдующія постановленія и пожеланія съѣзда по вопросу о чествованіи Л. Н. Толстого. 1) Желательно, чтобы, по случаю 80-й годовщины рожденія великаго писателя русской земли, 28 августа 1908 г. или въ ближайшіе дни всѣ газеты и журналы посвятили свои страницы главнымъ образомъ этому знаменитому событію, на которое несомнѣнно, такъ или иначе, откликнется все просвѣщенное человѣчество. Хотя день 28 августа приходится въ канунъ праздника, когда зрѣлища не допускаются, но все-же исполнѣе умѣстно устроить бесплатныя чтенія для народа и для дѣтей изъ избранныхъ сочиненій Л. Н. Толстого. Печати слѣдовало бы пригласить и каждую интеллигентную семью, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, устроить семейныя, домашнія чтенія, посвященныя гуманной личности нашего геніальнаго современника и его произведеніямъ. 2) Главное чествованіе, по мнѣнію съѣзда, слѣдуетъ перенести на осень текущаго года, когда заканчиваются

лѣтній отдыхъ и разъѣздъ изъ городовъ. Такимъ временемъ съѣздъ намѣчается 1-е октября 1908 года и, по возможности, смотря по мѣстнымъ условіямъ, слѣдующую за 1-мъ октября неделю. Въ эти дни желательно организовать чтенія о Толстомъ и устраивать спектакли изъ его произведеній, живыя картины, лекціи, дѣтскіе и народныя праздники по программамъ, не противорѣчающимъ воззрѣніямъ Толстого, съ тѣмъ, чтобы платныя предпріятія этого рода могли увеличить общій фондъ имени великаго писателя или были предначинаны на другія благія дѣла, по усмотрѣнію устроителей. 3) Отъ имени печати рѣшено издать сборникъ, всецѣло посвященный личности чествуемаго писателя, мнѣніямъ о немъ и характеристикѣ его произведеній. Сборникъ долженъ быть составленъ изъ отзывовъ и статей, полученныхъ отъ русскихъ и иностранныхъ писателей, особо приглашенныхъ къ тому. Изданіе сборника возлагается на комитетъ, избранный для приведенія въ исполненіе постановленій съѣзда. 4) Съѣздъ призналъ необходимымъ устроить въ С.-Петербургѣ литературный домъ-музей имени Л. Н. Толстого. Въ домѣ этомъ, кромѣ музея, признано желательнымъ имѣть и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ для изученія произведеній великаго писателя, такъ и для ознакомленія съ ними широкихъ круговъ населенія. На ряду съ этимъ съѣздъ выразилъ пожеланіе, чтобы приняты были мѣры для изданія всего, что вышло изъ-подъ пера Л. Н. Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ, а также для удешевленія его сочиненій. Для осуществленія этихъ предположеній съѣздъ постановилъ открыть сборъ въ фондъ имени Л. Н. Толстого.

— Группа почитателей Л. Н. Толстого, по сообщенію „Слова“ и другихъ петербургскихъ газетъ, проектируетъ въ день юбилея отправить ему слѣдующую телеграмму за подписью всѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ этотъ текстъ подписать. На покрытие расходовъ по отправкѣ телеграммы, по напечатанію и разсылкѣ объявленій вносится по 10 коп. за фамилію и 5 коп. за имя и отчество. „Сегодня, когда взоры всего мыслящаго міра устремлены въ Ясную Поляну, гдѣ 80 лѣтъ тому назадъ стояла ваша колыбель, насъ воодушевляетъ горячее желаніе слиться воедино со всѣми вашими друзьями, чувствующими, какъ и мы, душевную потребность привѣтствовать васъ, дорогой Левъ Николаевичъ въ сей радостный для насъ день. Примите же отъ насъ, почитателей вашихъ, выраженіе глубокой сердечной благодарности за ваше вдохновенное, великое своей безыскусственностью, всегда правдивое и смѣлое слово, которое, звуча одиноко среди окружающій насъ лицемѣрной лжи, будитъ въ тайникахъ души нашей добрыя чувства ранняго дѣтства, очерствѣвшія въ омутѣ жизни. Въ сердцахъ нашихъ мы чувствуемъ великую правду вашего слова, всей душой мы желали бы положить ее въ основу нашей жизни, но нѣтъ силъ слѣдовать по указанному вами свѣтлому пути. Это именно горькое сознаніе побуждаетъ насъ преклониться предъ вами и душевно благодарить васъ за то, что вы смѣло будите нашу совѣсть, ублаживаемую окружающимъ насъ фарисействомъ. Посылая вамъ сердечныя пожеланія добраго здоровья и бодрости духа, мы питаемъ твердую надежду, что Провидѣніе сохранитъ васъ нашей дорогой родиной еще на долгіе годы и что благородный посѣвъ вашъ взойдетъ на пользу всего человѣчества“.

— Состоялось опредѣленіе св. синода, по ходатайству съѣзда миссіонеровъ въ Кіевѣ, о чествованіи графа Л. Н. Толстого. Въ силу этого опредѣленія въ «Церковномъ Вѣстникѣ» напечатано обращеніе отъ св. синода, которымъ синодъ «призываетъ всѣхъ членовъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Льва Николаевича Толстого и тѣмъ избавить себя отъ оуда Божія».

Великій писатель русской земли.

Левъ Николаевичъ Толстой потомокъ стариннаго дворянскаго рода Толстыхъ, изъ которыхъ первый графъ Толстой былъ сподвижникомъ Петра Великаго; по матери онъ изъ еще болѣе древняго рода князей Волконскихъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Рюрика. Онъ родился въ Ясной Полянѣ, имѣніи Волконскихъ, 28 августа 1828 г., здѣсь же прошло все его дѣтство и большая часть жизни,

з Отецъ Л. Н., служившій раньше въ военной службѣ, былъ аять сельскимъ хозяйствомъ, въ которомъ имѣлъ для того времени большое качество: онъ былъ не только не жестокъ, какъ многіе, но даже слабъ, и за время его жизни будущій писатель даже не запомнилъ тѣлесныхъ наказаній, столь обычныхъ въ то, жестокое по нравамъ, время. Мать Л. Н. умерла, когда ему было только полтора года, но ребенокъ росъ, окруженный нѣжною за-

ботой бабушки и родныхъ. Въ общемъ дѣтство Л. Н. проходило на рѣдкость благоприятно для правильнаго развитія тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ ребенка.

«Счастливая», счастливая невозвратимая пора дѣтства, — съ умиленіемъ будетъ вспоминать впоследствии писатель о первой порѣ своей жизни: — Какъ не любить, не дѣлать воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій... Вернутся ли когда нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели, — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви, — были единственными побужденіями въ жизни“.

Начинаются годы отрочества, и въ жизнь ребенка влетаетъ больше и больше печальныхъ впечатлѣній, и изнанка жизни даетъ себя чувствовать. Умираютъ въ 1837 году отецъ и бабушка, воспитаніе переходитъ частью въ руки чужихъ людей; между прочимъ, француза-гувернера, нѣкоего Сень-Томаса. „Не помню уже за что, — вспоминаетъ Л. Н.: — но за что то, не заслуживающее наказанія, Сень-Томасъ во первыхъ заперъ меня въ комнату, а потомъ угрожалъ розгой. И я испыталъ ужасное чувство негодованія и возмущенія, и отвращенія не только къ Томасу, но и къ тому насилію, которое онъ хотѣлъ употребить надомной. Едва ли этотъ случай не былъ причиною того ужаса и отвращенія передъ всякаго рода насиліемъ, которое испытываю всю жизнь“. Все таки домашнее воспитаніе было лучше тогдашней учебы въ гимназіяхъ и дало Л. Н. въ особенности отличное знаніе иностранныхъ языковъ. Сохранилось не мало рассказовъ о чудачествахъ и оригинальныхъ проделкахъ мальчика, въ которомъ рано замѣчается склонность къ самоуглубленію и вдумчивому разбору всего окружающаго. Застѣнчивый и самолюбивый, онъ испыталъ на себѣ то неравенство, поклоненіе вѣщности, презрѣніе ко всему скромному, какіе нерѣдко составляютъ недостатокъ слишкомъ барскаго воспитанія. Въ то же время лучшія стороны этой среды, — въ общемъ гуманное отношеніе къ низшимъ, къ крестьянамъ, какое преобладало въ семьѣ Толстыхъ и Волконскихъ, стоявшихъ выше общаго уровня помѣщичьей жизни — все это оставило хорошій слѣдъ въ ребенкѣ.

Домашнее образованіе продолжалось въ Казани. Здѣсь Л. Н. поступилъ въ университетъ, но не окончилъ курса, отчасти потому, что увлекся разсѣянной жизнью въ качествѣ молодого чловека высшаго круга, выгоднаго будущаго жениха. Казанскіе старожилы помнятъ его желаннымъ гостемъ на всѣхъ балахъ, вечерахъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ, всюду танцующимъ, но сохранявшимъ вездѣ какую то странную угловатость и застѣнчивость. Но въ то же время онъ много читаетъ и между прочимъ склонность къ самостоятельной работѣ ума, самостоятельное чтеніе мѣшаетъ ему войти въ колею обязательныхъ занятій высшей школы.

Онъ бросаетъ университетъ въ 1847 году и на время увлечается сельскимъ хозяйствомъ, мечтая не только привести въ порядокъ разстроившееся хозяйство, но и отдаться улучшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ. „Вы скажете, что я молодой; можетъ быть точно, я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе желать дѣлать добро и любить его... Не моя ли священная обязанность заботиться о счастьи этихъ семи-сотъ чловековъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность“? Такія мысли занимали Л. Н., когда онъ заключилъ было себя въ рамки сельскаго хозяйства, въ то же время весь охваченный мыслями о самовоспитаніи и въ себѣ самомъ началъ добра и совершенствованія. Но очень скоро молодой народолюбивый помѣщикъ убѣдился, что мечтая по своимъ планамъ улучшить бытъ крѣпостныхъ, онъ находится въ ложномъ положеніи. Онъ не создатель подневольныхъ людей. Попытки Л. Н. кончились неудачей: крѣпостные не шли ни на какія предложенія, и съ помощью молодого помѣщика, лишь бы онъ оставилъ ихъ жить въ своемъ разумѣнію. Л. Н. не могъ не признать за ними право всякаго чловека быть самостоятельнымъ въ устройствѣ своей жизни и бросилъ деревню.

Онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. На нѣсколько лѣтъ идетъ періодъ разсѣянной и бурной жизни; впоследствии Л. Н. вспоминаетъ не иначе, какъ съ рѣзкимъ осужденіемъ и отвращеніемъ о „безпутно проведенныхъ трехъ годахъ“. Въ апрѣлѣ 1851 года онъ, по примѣру старшаго брата, поступаетъ на военную службу

и бдегь на Кавказъ, опасное мѣсто постоянной борьбы съ непокоренными еще тогда горцами, куда нерѣдко отправлялись не знавшіе куда дѣть себя люди въ поискахъ сильныхъ ощущений и разнообразія жизни. Военная жизнь на Кавказѣ связана была съ постоянной черемѣной мѣста жительства, со встрѣчами съ новыми людьми, такъ непохожими на людей свѣтскаго круга; на время Л. Н. увлеченъ мыслью о женитьбѣ на простой казачкѣ, въ которую онъ влюбился въ одной станицѣ,—съ тѣмъ, чтобы первать со всѣмъ прежнимъ и зажить новой жизнью, привлекавшей его простотою, прелестью всѣмъ нужнаго труда и скромнаго счастья. Но ему суждено было болѣе широкое дѣло.

И во время скитаній съ батареей по Кавказу, и среди приключеній этой бурной жизни, въ Л. Н. ни на минуту не прекращается внутренняя работа мысли и чувства. „Есть во мнѣ, что-то, что заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ, какъ всѣ“,—записываетъ онъ въ это время въ дневникѣ, еще не сознавъ своего призванія. Въ свободные дни и часы онъ, лѣтомъ 1852 г., беретъ за перо и пишетъ „Дѣтство“, произведение, которое было напечатано въ томъ же году въ журналѣ „Современникъ“ и сразу обратило на себя особое вниманіе русскихъ читателей. Поэтъ Некрасовъ, редакторъ журнала, имѣлъ счастье первый признать выдающійся талантъ въ будущемъ великомъ писателѣ. Успѣхъ окрыляетъ его, и въ короткое время онъ создаетъ рядъ новыхъ произведений: „Утро помѣщика“, повѣсть „Казакъ“, продолженіе „Дѣтства“ „Отрочество“ и мелкіе рассказы изъ кавказской жизни. Уже чувствуя, что призваніе его не военная служба, онъ нѣкоторое время остается въ ней, и въ 1854 году оставивъ Кавказъ, переводится въ Севастополь, гдѣ проводитъ время осады, и пишетъ очерки боевой жизни въ этомъ городѣ. Этими очерками его литературная извѣстность была окончательно упрочена.

Въ одномъ письмѣ Некрасовъ въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ опредѣляетъ „направленіе“ таланта Толстого и то, чѣмъ вообще этотъ талантъ силенъ и новъ: „Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда—правда, которой со смерти Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ... Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо себѣ сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу... Вы молоды; вдувъ какія то черемѣны (писано наканунѣ освобожденія крестьянъ), которыя—будемъ надѣяться—кончатся добромъ и можетъ быть вамъ предстоитъ широкое поприще. Вы начинаете такъ, что заставляете самыхъ осмотрительныхъ людей заноситься въ надеждахъ очень далеко“... „Статья Толстого о Севастополѣ—чудо! Я прослезился читая ее и кричалъ ура“—пишетъ въ одномъ письмѣ Тургеневъ, а въ другомъ: „Дай только Богъ Толстому пожить, и онъ, надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ—это талантъ первостепенный“... „Извѣстенъ и характерный отзывъ писателя, также находившагося тогда въ славѣ, Писемскаго: „Этотъ офицершкѣ всѣхъ насъ заключаетъ, хоть перо бросай““...

Нѣтъ возможности передавать здѣсь въ подробности содержаніе названныхъ нами произведений Толстого. Достаточно указать нѣкоторыя общія черты ихъ, и на первомъ мѣстѣ отмѣтить, что всѣ они болѣе или менѣе полно изображаютъ внутреннюю жизнь самого Толстого. Колесика Иртеньевъ, отъ лица котораго ведется рассказъ въ воспоминаніяхъ дѣтства, отрочества и юности, кн. Пехлюдовъ въ „Утрѣ помѣщика“, Оленинъ въ „Казакѣхъ“—это въ большей или меньшей степени самъ Л. Н., съ его характерными чертами, глубокимъ внутреннимъ саморазборомъ, съ упорной думой надъ собственной и чужой жизнью, съ неуклоннымъ стремленіемъ къ правдѣ, справедливости, съ глубокой искренностью нравственнаго суда надъ собою и отвращенія къ насилию, съ вѣчною думой о вѣчныхъ вопросахъ, въ чемъ правда и смыслъ человѣческой жизни. Внѣшнюю жизнь, русскіе бытъ и нравы, русскую природу съ совершенствомъ изображали многие писатели, но никогда никто изъ нихъ такъ глубоко не затрагивалъ въ своихъ писаніяхъ вопросы человѣческой совѣсти. Толстого не разъ называли „великою совѣстью“, и эта черта его сказалась уже въ первыхъ его произведеніяхъ. Она поразила русское общество этимъ страннымъ исканіемъ правды, небывалою искренностью и правдивостью не только въ изображеніи внѣшности жизни и предметовъ, но и внутренняго міра человѣка.

Въ особенности новы были изображенія военной жизни и въ частности жизни въ Севастополѣ. Толстой, можно сказать, открылъ русскимъ читателямъ простого русскаго солдата съ его незамѣтнымъ героизмомъ, и въ то же время впервые въ русской литературѣ далъ въ обнаженномъ видѣ ужасы войны; отвращеніе къ

войнѣ проводить его чрезъ всю его жизнь до нашихъ дней. Здѣсь же въ этихъ очеркахъ, ярко подчеркнуты противорѣчія въ жизни человѣчества, признающаго законъ любви, заповѣданный Христомъ, и нещадно и жестоко истребляющаго братьевъ, и Л. Толстой, въ раздумьи, въ чемъ же смыслъ его рассказа, такъ опредѣляетъ руководившую его въ литературной дѣятельности мысль: „Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? Гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто знаетъ, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны... Герой же моей повѣсти, котораго стараюсь воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ есть и будетъ прекрасенъ— правда“.

По сдачѣ Севастополя, Л. Н. оставляетъ военную службу и то возвращается въ литературныхъ кругахъ, гдѣ встрѣченъ общимъ вниманіемъ. По вѣдѣ за границу, то беретъ снова за сельское хозяйство. По освобожденіи крестьянъ, онъ нѣкоторое время служитъ мировымъ посредникомъ, при чемъ заявляетъ себя горячимъ сторонникомъ возможно льготной для крестьянъ развязки крѣпостныхъ отношеній; увлекается, наконецъ, дѣятельностью по народному образованію, ведетъ народную школу и издаетъ журналъ „Ясная Поляна“, посвященный вопросамъ начальнаго обученія. Но вездѣ и всегда онъ остается самимъ собою, не идетъ проторенными дорожками; такъ, за-границей его поражаетъ не то, чѣмъ богата западно-европейская жизнь, ея внѣшнія культурныя преимущества надъ бѣдной и темной русской жизнью, но противорѣчія всего устройства ея съ нравственными требованіями, съ требованіями закона любви и равенства людей предъ Богомъ. Неизгладимое впечатлѣніе оставило въ немъ отвратительное зрѣлище въ Парижѣ публичной смертной казни (гильотиною, отрубавшею голову). „Когда я увидаль, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то, и другое въ разъ застучало въ ящикъ, я понялъ не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и что дурно не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ“. Это отвращеніе къ жестокости смертной казни также проводить Л. Н. чрезъ всю жизнь, и не разъ оно было предметомъ потрясающаго художественнаго изображенія.

Своеобразнымъ остался Л. Толстой и въ качествѣ дѣятеля по нар. образованію. Не довольствуясь выработанными въ педагогикѣ (наукѣ воспитанія и обученія) приѣмами, онъ ищетъ и создаетъ свои собственные; задается вопросами, какъ и чему учить, съ такой стороны, съ которой къ нимъ не подходили другіе, и созданная имъ въ Ясной Полянѣ школа руководилась совершенно особыми началами полной свободы учениковъ въ выборѣ предметовъ занятій. Полное отсутствіе насилия, всякой принудительности въ то время глубоко поразило педагоговъ и вызвало множество возраженій, но въ настоящее время существуетъ и у насъ, и за-границей рядъ попытокъ перестроить школу именно на этомъ началѣ, и, конечно, даже неудачныя попытки въ этомъ родѣ весьма полезны для развитія педагогическаго искусства.

Въ 1862 году Л. Н. женится на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ, дочери московскаго врача, которая донималъ дѣлать съ нимъ и съ многочисленными дѣтьми горе и радость совместной жизни. Уже слѣлавъ предложеніе и получивъ согласіе страстно любимой дѣвушки, Л. Н. считаетъ себя обязаннымъ открытъ ей все свое прошлое безъ утайки: онъ даетъ ей прочесть свои дневники хо- лостной жизни, въ которыхъ съ самообличеніемъ и голою искренностью описаны были всѣ увлеченія молодости, всѣ паденія и душевныя бури, пережитыя Л. Н. Читеніе этого дневника было невыразимымъ страданіемъ для молодой дѣвушки, воображавшей въ женихѣ воплощеніе всѣхъ добродѣтелей, но любовь разрушила всѣ колебанія, и бракъ состоялся.

Въ 1864—69 годахъ написано Толстымъ самое крупное по объему и значенію произведеніе романъ „Война и Миръ“, а въ 1873—1876 г.г. романъ „Анна Каренина“. Обѣ эти вещи с.здали Толстому уже не только всероссійскую, но мировую извѣстность и составляютъ главное основаніе его неуваждающей художественной славы.

Дѣйствіе романа «Война и миръ» происходитъ въ 1805—1813 годы, въ первую половину царствованія Александра I, во время войнъ Россіи съ Наполеономъ. Въ романѣ появляются и эти государи, и рядъ выдающихся лицъ этого времени. Толстой рассказываетъ послѣдовательно о войнахъ Россіи съ французами загра-

ицей, ведет на поля сражений, подробно рисует русскую жизнь во время нашествия в Россию двенадцати языков, изображает Бородинское сражение, пожар и разорение Москвы и бегство из России распавшейся великой армии Наполеона. В изображении исторических событий он строго держится не только фактически точных данных об этих событиях, но с великодушным мастерством показывает, как должны были воспринимать и чувствовать эти события живые отдельные лица его повествования. Читатель как бы переживает вместе с ними эти события во всей их живости, так что кажется, что иначе и быть не могло, как рассказано у Толстого.

Но главное содержание романа не самые исторические громкие события или изображение знаменитых людей того времени. Толстой больше внимания уделяет истории двух великосветских родов — графов Ростовых и князей Болконских. Это деды и отцы Льва Толстого — Толстые и Волконские, и главное содержание „Войны и мира“ — рассказ о жизни представителей этих родов, написанный по живым преданиям, хранившимся в семье Толстого. И здесь пред читателем проходит во всей полноте старинная барская жизнь, с ее обыденными тревогами, радостями, дробью и злом, интересами, развлечениями, и мы видим во всей полноте, как люди былого любили, страдали, умирали, переживали великие исторические события того времени. Пред читателем на протяжении четырех томов романа проходит множество лиц, но каждое из них, оживленное чудным гением Толстого, живет собственной жизнью и не может быть смешано ни с кем. Читатель роднится с ними и по прочтении романа не может думать о героях Толстого, иначе, как о людях действительно существовавших, жизнь которых вся прошла на глазах читателя...

В романе Толстого захвачена преимущественно барская жизнь того времени, но в ней в то время сосредоточена была и вся духовная жизнь русского народа; крестьянство же жило обособленной трудовой и незамысловатой жизнью, в которой не было ничего яркого и поражающего воображение. Тем не менее народная жизнь, жизнь безчисленного множества людей, за счет труда которых жило старое барство, не обойдена в „Войне и мире“. Автор развивает многие знаменитости (в том числе особенно Наполеона, в котором не видит ничего достойного уважения и признаков великого ума) и показывает как жизнь строит и великие события создают не, так называемые, великие люди, а воля, труд, и соединенные усилия маленьких единиц и участников событий, сам народ, не подозревающий своей роли. Те части романа, в которых изображены народные сцены, производят особенно сильное впечатление, а одно из действующих лиц солдат Платон Каратаев должно быть признано настоящим представителем старо-русского трудового крестьянства в его взгляде на жизнь, как на исполнение мудрой воли Божией трудом и братской любовью к ближнему.

Так в „Войне и мире“ Льву Толстому с безпримысленной силой и жизненностью изображение удалось схватить во всей широте и глубине русскую жизнь в ее целом. В этом произведении он явился писателем вполне национальным. Но национальное, то есть все связанное с определенным временем в жизни русской нации (народа в совокупности его сословий и классов) изображено с таким глубоким проникновением в человеческую душу вообще, что человеку и всякой другой национальности доступно и дорого становится изображение писателем нашей жизни.

Роман „Анна Каренина“ взят из современной русской жизни и изображает в значительной части своей тоже русское барство, но после освобождения крестьян оно уже успело частью вырождаться. На общественной жизни выступили новые силы и в романе этом нет той широты, как в „Войне и Мире“: великосветским и высшим помещичьим кругом уже не представлено все разнообразие русской жизни в ее современном укладе. Поэтому „Анна Каренина“ менее способна захватывать читателя, чем величавое творчество Толстого в „Войне и мире“. Но глубина проникновения в человеческую душу все та же, и с этой стороны роман не менее знаменит. Как в произведениях более раннего времени, Толстой в одном из главных действующих лиц романа, в Левине, представил самого себя, рассказал историю собственного брака и в особенности историю внутренней своей жизни и перелома к новым нравственным верованиям.

Мысль о собственном нравственном самосовершенствовании занимала Л. Н. и в самые ранние годы его сознательной жизни. В зрелые годы она снова всплывает в нем с необычайной силой. В пору высшего своего успеха, как писателя, и полного личного и семейного благополучия, Л. Н. был на границе само-

убийства: так мучили его эти мысли о смысле жизни. Сомнения и долгая душевная борьба разрешилась в конце 70-х годов тем, что Л. Н. пришел к собственному пониманию учения Христа. Как известно, в своем толковании этого учения он разошелся с православной церковью, и в 1901 году он был отлучен от нее св. синодом. Но не богословские взгляды Толстого составляют его признанную заслугу и славу. Мы не можем излагать в подробностях вероучение, которого держится теперь Л. Н. с ничтожною по численности кучкою своих последователей, составивших как бы новую христианскую секту, каких много и в России и во всем свете. Достаточно сказать, что основное нравственное начало, составляющее ядро толстовского вероучения, есть отрицание всякого противления злу насильем, то есть не только отрицание насилия, но и отрицание борьбы против насилия насильем же. Многочисленных сочинений Л. Н., в которых он развивает свое вероучение и говорит об устройстве общественной жизни, мы не касаемся по той же причине: не в них главное значение Л. Н.

В своем новом настроении Л. Н. сурово осудил прежнюю свою жизнь и литературную деятельность: она подсказана была будто бы исключительно дурными побуждениями, стремлениями к людскому одобрению, любованию дурною в сущности жизнью людей, и т. п. Он круто меняет образ жизни, стараясь приблизиться к существованию человека простого физического труда, отказывается от всех привычек изнеженной барской жизни, от вина, курения табаку, от мясной пищи. В своей Ясной Поляне он сам пашет и косит, шьет сапоги и пр., что в свое время вызвало множество разноречивых толков в целом мире. Он отказывается от права литературной собственности на свои сочинения, написанные после 1881 года, то есть их может издавать каждый желающий; право на более ранние произведения он, по настоянию жены, оставил за своею семьею, в пользу которой предоставил и все свое состояние.

Опасались, что новые верования Л. Н. отразятся пагубно на его художественном таланте; и напр. Тургенев пред смертью умолял Л. Н. в трогательном письме вернуться к литературной деятельности. Как известно, эти опасения оказались неосновательными, и новый Толстой также дал ряд чудных по силе художественного изображения, искренности и глубине чувства созданий.

В художественных произведениях первой половины жизни Лев Николаевич обращался к людям своего круга и высокого умственного развития. С восьмидесятих годов он стремится писать так, чтобы его речь и мысли были доступны всем и каждому человеку. И он достигает изумительного совершенства в новом своем роде. Он пишет ряд сказок, которые разошлись на русском языке и в безчисленных переводах по всему свету во многих миллионах книжек. Назовем „Чья жизнь жива“, „Упустишь огонь, не потушишь“, „Свечка“, „Два старика“, „Где любовь, там и Бог“, „Много ли человеку земли нужно“, „Хозяин и работник“ и др. Неподражаемая по простоте языка, чисто народного и выразительного, эти сказки и рассказы проникнуты одною мыслью о силе любви, которою люди живы и производят неизгладимое впечатление. В том же духе написана драма для народного театра из народной жизни „Власть тьмы, или коготок увязь, всей птичке пропасть“.

К восьмидесятым годам, когда написаны эти произведения, относится участие Л. Н. в издательстве „Посредник“ (которым они и издавались): оно ставило целью провести в народную среду хорошую, полезную и возможно дешевую книгу. Издательство дало толчек вообще этому делу и тем содействовало много народному просвещению.

В эти и более поздние годы Толстым написаны, наконец еще несколько крупных произведений, как „Смерть Ивана Ильича“ (безпощадный суд над жизнью человека, следовавшего в ней только себялюбивым стремлениям, хотя по внешности и доброго и уважаемого); „Крейцера соната“ (повесть, проникнутая негодованием на господство в общественной жизни грубого разврата); большой роман „Воскресение“ (1899), написанный на любимую тему (мысль) Толстого о возрождении человека силою вспыхнувшей в нем братской любви и раскаяния; наконец, в 1906 году вышел в свет сборник „Круг чтения“, избранные сочинения и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении; Л. Н. в этом сборнике принадлежит также несколько рассказов высокой силы и красоты: „Божественное и человеческое“, „Корней Васильев“, „За что“?

Кроме деятельности писателя, Л. Н. не раз отделился от событий, волновавших родину и человечество не только словом, но и делом. Так в особенности памятно его участие и личная

работа въ дѣлѣ помощи голодающимъ въ 1891—92 и другіе годовые годы, когда на призывъ его откликались со всего свѣта и щедрой рукой притекали пожертвованія. Великій старецъ не глухъ и не слѣпъ и къ тому, что дѣлается и въ наши дни на русской землѣ. Его слово то же дѣло. Будетъ время, когда будетъ оцѣнено по достоинству все сказанное имъ міру и русскимъ людямъ и въ послѣдніе его дни, когда каждое его слово, можно сказать, разносится по цѣлому свѣту.

Вся жизнь Льва Николаевича рѣдкій и прекрасный примѣръ работы человѣка надъ собственнымъ характеромъ и чувствомъ, и съ этой стороны она не менѣе поучительна, чѣмъ исторія созданій его пера, исторія его славы. Во вѣки не забудется имя того, кто въ темныя години людской вражды, злобы и кровопролитій такъ горячо, искренно, со всею мощью мудраго сердца вѣдца напоминалъ міру о вѣчныхъ завѣтахъ любви и правды.

Л. Н. Толстой среди народа.

Изъ книги П. Сергѣенка „Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой“.

Благодаря своей простой одеждѣ и непринужденности въ обращеніи, Льву Николаевичу удается вездѣ завязывать свободныя отношенія съ простонародьемъ и выслушивать отъ него ничѣмъ неподраженныя мнѣнія.

Однажды онъ шелъ съ своимъ пріятелемъ изъ Москвы въ Тулу. По дорогѣ, возлѣ кучи щебня, они увидѣли мужика, который сердито отбивалъ камнемъ каблукъ на сапогѣ и крѣпко ругался. Онъ натеръ сапогомъ ногу, и это очень сердило его. Путники подошли къ нему, разговорились и затѣмъ пошли вмѣстѣ. У рабочаго былъ недовольный видъ, и онъ все время жаловался на людскую несправедливость: работалъ онъ на заводѣ, а хозяинъ не заплатилъ ему „за литье“, сколько слѣдовало. Левъ Николаевичъ все время слушалъ рабочаго, затѣмъ сказалъ серьезно:

— Тутъ что-нибудь не такъ, Иванъ Семеновъ!

— Побей меня Богъ, все было, какъ я говорю!—возразилъ горячо Иванъ Семеновъ и въ подтвержденіе своихъ словъ показывалъ Льву Николаевичу квитки изъ завода.

Такъ они прошли вмѣстѣ около 3-хъ сутокъ, останавливаясь на постоянныхъ дворахъ для отдыха и бесѣдуя уже, какъ старые пріятели. Очутившись съ глазу на глазъ съ спутникомъ Льва Николаевича, Иванъ Семеновъ спросилъ съ любопытствомъ:

— Скажи, пожалуйста, кто этотъ Левъ Николаичъ?

— Да такъ себѣ старикъ. А что?

— Божественный старикъ!

На послѣднемъ привалѣ напились путники чаю, Левъ Николаевичъ прощается съ Иваномъ Семеновымъ и говоритъ:

— Какъ вотъ хорошо Богъ привелъ насъ познакомиться и вмѣстѣ время провести. А только все же мнѣ кажется, Иванъ Семеновъ, что ты намъ всей правды о себѣ не сказалъ.

У Ивана Семенова дрогнула нижняя челюсть, и навернулись слезы на глазахъ.

— Прости меня, Левъ Николаевичъ, совралъ я тебѣ: деньги-то я всѣ дочиста получилъ отъ хозяина и пропилъ ихъ, окаянный!

Въ другой разъ Левъ Николаевичъ съ своимъ спутникомъ догнали на дорогѣ больного мальчика, который былъ очень слабъ, и взяли его съ собою. Хозяйка постоялаго двора, когда увидала, что мальчикъ очень плохъ, рассердилась и закричала:

— Уходите, уходите! Что это вы привели сюда совсѣмъ дохлаго. Онъ еще умирать здѣсь.

Левъ Николаевичъ помолчалъ немного и кротко сказалъ:

— Это не нашъ мальчикъ, а чужой. Мы его взяли потому, что онъ былъ безпомощенъ. Подумайте, какъ бы вамъ было тяжело, если бы вы были въ безпомощномъ положеніи и никто не хотѣлъ бы помочь вамъ.

Хозяйка смягчилась, приняла путниковъ, матерински ухаживала за мальчикомъ и потомъ все повторяла ему:

— Вотъ видишь, добрые люди подобрали тебя и привели. А не будь добрыхъ людей... не будь добрыхъ людей на свѣтѣ, что же бы это было?

Частое и свободное общеніе съ народомъ дало возможность Льву Николаевичу накопить большой запасъ свѣдѣній изъ народной жизни и выработать тотъ богатый, красочный языкъ, который позволяетъ ему быть хозяиномъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ словахъ мысли и чувства.

Въ бесѣдѣ съ крестьянами Л. Н. Толстой никогда не поддѣлывается подъ ихъ тонъ, а держитъ себя просто и серьезно, какъ бывалый, умный мужикъ, которому знакомы всѣ отбѣнки крестьянской жизни. Онъ знаетъ, кому что надо сказать и чѣмъ кого можно взять.

Въ одно изъ своихъ путешествій зашелъ онъ почевать на сельскій постоялый дворъ. Хозяинъ двора, крутой, правый старикъ, рассердился за что-то на своего сына-юношу и началъ его бить, затѣмъ схватилъ за волосы и поволокъ изъ комнаты. Левъ Николаевичъ сталъ убѣждать мужика. Но тотъ вопелъ въ азартъ и не обращалъ ни на что вниманіе. Тогда Левъ Николаевичъ сказалъ съ укоромъ:

— Вѣдь этого и звѣрь надъ звѣремъ не станетъ дѣлать. А ты называешься христіаниномъ. Какъ же ты Бога не боишься?

Эти слова задѣли мужика, и онъ злобно крикнулъ:

— Такъ что жъ, по твоему мудрому разуму, значить не надо и дѣтей своихъ учить?

— Надо учить, но не бить,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ.

— А ты знаешь, что сказалъ графъ Аракчеевъ?—спросилъ мужикъ злымъ, вызывающимъ тономъ.

— Что?

— Десять человекъ убей, а десятого выучи...

Не успѣлъ крестьянинъ договорить всей фразы, какъ Левъ Николаевичъ подскочилъ къ нему съ загорѣвшимися глазами и закричалъ:

— Не смѣй такъ говорить! Бога въ тебѣ нѣтъ. И знай: и тотъ звѣрь, кто сказалъ это.

И въ лицѣ, и въ голосѣ его было при этомъ пѣчто такое, предъ чѣмъ сразу потухло бѣшенство жестокаго мужика.

Пронизывающая острота взгляда, которымъ Левъ Толстой иногда какъ бы сверлитъ человѣка и забирается въ самую глубь его души, дѣлаетъ часто ложь невозможной для его собесѣдниковъ.

Въ августѣ 1896-го года въ Ясной Полянѣ произошло трагическое событіе: кучеръ нашелъ въ пруду мертваго ребенка. Вся семья Толстыхъ была очень потрясена этимъ событіемъ. Особенно удручалась одна изъ дочерей Льва Николаевича, будучи почти убѣждена, что мертвый ребенокъ принадлежитъ косою вдовѣ, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвиненіе и клялась, что она невинна.

Начали возникать подозрѣнія на другихъ.

Предъ обѣдомъ Левъ Николаевичъ отправился въ паркъ, чтобы пройтись немного, но вернулся нескоро, при чемъ видъ у него былъ усталый и взволнованный. Онъ былъ въ деревнѣ у косою вдовы. Не убѣдая ее ни въ чемъ, онъ только внимательно выслушалъ ее и сказалъ:

— Если убійство дѣло не твоихъ рукъ, то оно и страданій тебѣ не принесетъ. Если жъ это сдѣлала ты, то тебѣ должно быть очень тяжело теперь... такъ тяжело, что ничего ужъ болѣе тяжелаго для тебя не можетъ быть въ этой жизни.

— Охъ, какъ тяжело мнѣ теперь, будто кто камнемъ сердце надавилъ!—воскликнула, зарыдавъ, вдова и чистосердечно призналась Льву Николаевичу, какъ она задушила ребенка и какъ бросила его въ воду.

Знакомство съ жизнью русскаго народа не могло пройти безъ слѣдно для такой чуткой ватуры, какъ у Л. Н. Толстого. Не могъ онъ съ его сильно развитымъ чувствомъ человѣчности не страдать мучительно, видя кругомъ себя вопиющую нужду и невѣжество.

И Льва Толстого охватываетъ желаніе облегчить хоть нѣсколько участь своего народа. Онъ начинаетъ все ближе и ближе принимать къ сердцу его интересы и переходитъ, наконецъ, на народную литературу. Онъ посѣщаетъ ночлежные дома, составляетъ

народные календари, буквари и книжки съ популярнымъ изложе-
ніемъ о воздухѣ, о работѣ солнца и т. п.

Это былъ не случайный скачокъ въ сторону, а сознательный
поворотъ на дорогу, которую онъ обходилъ прежде.

Онъ напоминалъ собою, говоря его словами, человека, кото-
рый, избравши извѣстный путь, вернулся бы назадъ. Все, нахо-
дившееся у него съ лѣвой стороны, очутилось справа, а все, что
было справа, стало слѣва.

Увлеченный въ 1891-мъ году очень важною для него рабо-
тою, Л. Н. Толстой, однако, не задумываясь, бросаетъ ее, бросаетъ
свои укоренившіяся привычки, съ которыми разставаться въ его
годы не такъ-то легко, и уѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ го-
лодную мѣста, чтобы облегчить участь голодающихъ.

Личными своими усиліями Левъ Николаевичъ основываетъ бо-
льше 200 столовыхъ, переѣзжая и переходя по сугробамъ изъ села
въ село, во время вьюгъ и трескучихъ морозовъ.

Съ устройствомъ всякой столовой не мало хлопотъ, требую-
щихъ осмотрительности, такта, энергіи и терпѣнія. Приходилось
вести сложныя отчеты по складу, по приему пожертвованій, по
распределенію провизіи, по доставкѣ и отправкѣ различныхъ ма-
теріаловъ.

На призывъ Л. Н. Толстого откликнулись со всѣхъ
мѣстъ, даже изъ за границы. Всѣ вѣрили, что шлютъ свои по-
жертвованія въ надежныя руки. И это было удивительное по
подъему чувствъ время, ждущее своего историка. Но все-таки
это была капля въ морѣ народной нужды. Приходилось отказы-
вать, приходилось дѣлать выборъ между голодными.

Л. Н. Толстой, съ присущей ему энергіей, внесъ много
практическихъ нововведеній въ организованное имъ дѣло, окрыляя
всѣхъ своимъ присутствіемъ. Но, не взирая на всю его закален-
ную выносливость, онъ доходилъ иногда до такого утомленія, что
не могъ безъ усилій выразить сразу самую простую мысль, не
могъ назвать сразу ту вещь, какаю ему была нужна.

— Таня,—говорилъ онъ своей старшей дочери, сопровож-
давшей его и дѣлившей съ нимъ всѣ невзгоды ихъ новой жиз-
ни—надо непременно завтра послать...

И Левъ Николаевичъ забывалъ, что и куда надо послать,
несмотря на свою необыкновенно цѣпкую память...

Любовь Л. Н. Толстого въ простому люду стала брать и те-
перь беретъ у него значительное количество силъ и времени.
Онъ завязалъ много отношеній въ этомъ направленіи, оборвать
которыя уже нельзя. Нельзя отказать мужику въ свиданіи или
отдѣлаться подачкой, когда онъ проситъ написать ему прошеніе
въ судъ. Нельзя отдѣлаться милостыней отъ бабы, у которой, по
случаю смерти мужа, хлѣбъ не убранъ. И Л. Н. Толстой пишетъ
прошеніе мужику, помогаетъ въ рабочую пору горемычной кресть-
янкѣ убрать хлѣбъ, терпѣливо переноситъ при этомъ чувствитель-
ную боль въ ногѣ отъ ушиба о колесо.

Но боль въ ногѣ отъ ушиба все увеличивается. Графиня
Софья Андреевна ѣдетъ въ Москву и тайкомъ отъ Льва Никола-
евича привозитъ доктора, который объявляетъ, что еще одинъ
день и дѣло могло бы кончиться катастрофой. Температура у
Льва Николаевича поднялась уже до 40°. Пришлось лечь въ по-
стель и пролежать нѣсколько недѣль, давшихъ міру „Власть Тьмы“.

Большая часть этой пьесы была продиктована Львомъ Ни-
колаевичемъ и заняла въ общемъ нѣсколько недѣль. Ни одно изъ
его произведеній не давалось ему такъ легко потому, что, и ра-
ботая въ полѣ и бесѣдая съ крестьянами, онъ тѣмъ самымъ уже
подготавливался въ своей новой работѣ.

И требовать отъ Льва Толстого, чтобы онъ занимался исклю-
чительно изящною словесностью, значитъ требовать отъ него от-
реченія отъ потребностей своей души.

Л. Н. Толстой и крестьянскія дѣти.

(Изъ статьи «Ясно-Полянская» школа).

Недавно мы въ первомъ классѣ читали «Вія» Гоголя; послед-
нія сцены подѣйствовали сильно и раздражили воображеніе дѣтей,—
нѣкоторыя въ лицахъ представляли вѣдму и все вспоминали по-
слѣднюю ночь.

На дворѣ было не холодно—зимняя безмѣсячная ночь съ ту-
чами на небѣ. На перекресткѣ мы остановились; старшіе, трех-
лѣтніе школьники, остановились около меня, приглашая проводить
ихъ еще; маленькіе поглядѣли и закатились подъ гору. Младшіе
начали учиться при новомъ учителѣ, и между мною и ими уже нѣтъ
того довѣрія, какъ между мной и старшими. „Ну, такъ пойдемъ
въ заказъ“ (небольшой лѣсъ, шагахъ въ 200 отъ жилья), сказалъ
одинъ изъ нихъ. Больше всѣхъ просилъ Оедька, мальчикъ лѣтъ
10, нѣжная, воспримчивая, поэтическая и лихая натура. Опас-
ность для него составляетъ, кажется, самое главное условіе удо-
вольствія. Лѣтомъ всегда бывало страшно смотрѣть, какъ онъ съ
другими двумя ребятами выплывалъ на самую середину пруда, са-
женъ въ 50 ширины, и изрѣдка пропадалъ въ жаркихъ отраже-
ніяхъ лѣтнаго солнца; плавалъ по глубинѣ, перевертываясь на
спину, пуская струйки воды и окликаая тонкимъ голоскомъ това-
рищей на берегу, чтобы видѣли, какой онъ молодецъ. Теперь онъ
зналъ, что въ лѣсу есть волки, поэтому ему хотѣлось въ заказъ.
Всѣ подхватили, и мы четверомъ пошли въ лѣсъ. Другой—я на-
зову его Семка—здоровенный и физически, и морально, малый
лѣтъ 12, прозванный Вавило, шелъ впереди и все кричалъ и гу-
кался съ кѣмъ-то залихватнымъ голосомъ. Пронька—болѣзненный,
кроткій и чрезвычайно даровитый мальчикъ, сынъ бѣдной семьи,
болѣзненный, кажется, больше всего отъ недостатка пищи—шелъ
рядомъ со мной. Оедька шелъ между мной и Семкой и все заговаривалъ
особенно мягкимъ голосомъ, то рассказывая, какъ онъ лѣ-
томъ стерегъ здѣсь лошадей, то говоря, что ничего не страшно, а
то спрашивая, «что ежели какой нибудь выскочитъ?» и непремѣн-
но требуя, чтобы я что нибудь сказалъ на это. Мы не вошли въ
середину лѣса; это было бы уже слишкомъ страшно, но и около
лѣса стало темнѣе: дорожка чуть видѣлась, огни деревни скры-
лись изъ виду. Семка остановился и сталъ прислушиваться. „Стой,
ребята! Что такое?“ вдругъ сказалъ онъ. Мы замолкли, но ничего
не было слышно; все-таки страху еще прибавилось. «Ну, что же
мы станемъ дѣлать, какъ онъ выскочитъ... да за нами?» спросилъ
Оедька.

Мы разговорились о кавказскихъ разбойникахъ. Они вспо-
нили кавказскую исторію, которую я имъ рассказывалъ дав-
но, и я сталъ опять рассказывать объ абрекахъ, о казакахъ, о
Хаджи-Муратѣ. Семка шелъ впереди, широко ступая своими боль-
шими сапогами и мѣрно раскачивая здоровою спиной. Пронька
попытался было идти рядомъ со мной, но Оедька сбиль его съ
дорожки, и Пронька, должно-быть, по своей бѣдности всегда всѣмъ
покоряющійся, только въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ забѣгалъ
сбоку. Хотя и по колѣно утопая въ снѣгу.

Всякій замѣчалъ, кто немного знаетъ крестьянскія дѣтей,
что они не привыкли и терпѣть не могутъ всякихъ ласкъ—нѣж-
ныхъ словъ, поцѣлуевъ, троганій рукою и т. п. Потому-то меня
особенно поразило, когда Оедька, шедшій рядомъ со мной, въ
самомъ страшномъ мѣстѣ рассказа, вдругъ дотронулся до меня
слегка рукавомъ, потомъ всюю рукою ухватилъ меня за два паль-
ца и уже не выпускалъ ихъ. Только-что я замолкалъ, Оедька уже
требовалъ, чтобы я говорилъ еще, и такимъ умоляющимъ и взвол-
нованнымъ голосомъ, что нельзя было не исполнить его желанія.
„Ну, ты, суйся подъ ноги!“ сказалъ онъ разъ сердито Пронькѣ,
забѣжавшему впередъ; онъ былъ увлеченъ до жестокости,—ему
было такъ жутко и хорошо, держась за мой палецъ, и никто не
долженъ былъ смѣть нарушать его удовольствіе. „Ну, еще, еще!
Вотъ хорошо-то!“ Мы прошли лѣсъ и стали съ другого конца по-
ходить къ деревнѣ. «Пойдемъ еще, заговорили всѣ, когда уже
стали видны огни,—еще пройдемся». Мы молча шли, кое-гдѣ про-
валиваясь по рыхлой, плохо наѣзженной дорожкѣ; бѣлая тень-
та какъ будто качалась передъ глазами; тучи были низкія
какъ будто на насъ что-то наваливало ихъ; конца не было этому
бѣлому, въ которомъ только мы одни хрустѣли по снѣгу; вѣтеръ
шумѣлъ по голымъ макушкамъ осинъ, а намъ было тихо за лѣ-
сомъ. Я кончилъ рассказъ тѣмъ, что окруженный абрекомъ заплѣ-
пѣнью и потомъ самъ бросился на кинжалъ. Всѣ молчали. За-
чѣмъ онъ пѣсню заплѣлъ, когда его окружили?» спросилъ Семка.
—«Вѣдь тебѣ сказывали—умирать собрался!» отвѣчалъ огорченно
Оедька. «Я думаю, что молитву онъ заплѣлъ!» прибавилъ Пронь-
ка. Всѣ согласились. Оедька остановился вдругъ: «А какъ, вы го-
ворили, вашу тетку зарѣзали?» спросилъ онъ—ему мало еще было
страховъ.—«Расскажи, расскажи!» Я имъ рассказалъ еще разъ эту

страшную историю убийства графини Толстой, и они молча стояли вокруг меня, глядя на меня в лицо. «Попался молодец!» сказал Семка. «То-то страшно ему было ночью ходить, как она зарезанная лежала!—сказала Оедька;—я бы убивал!»—и он все дальше забирал себя в руку мои два пальца. Мы остановились в роще, за гумнами; под самым краем деревни. Семка поднял хворостинку из сѣнга и бил ею по морозному стволу лица. Иней сыпался с сучьев на шапку и звук одиноко раздавался по лѣсу. «Л. Н., сказал Оедька (я думал, он опять о графинѣ), для чего учиться пѣнию? Я часто думаю, право, зачѣм пѣть?»

Как он перескочил отъ ужаса убийства на этотъ вопросъ, Богъ его знаетъ. «А зачѣмъ рисованіе, зачѣмъ хорошо писать?» сказалъ я, рѣшительно не зная, какъ объяснить ему, для чего искусство. «Зачѣмъ рисовать?» повторилъ онъ задумчиво. Онъ именно спрашивалъ: зачѣмъ искусство? Я не смѣлъ и не умѣлъ объяснить. «Зачѣмъ рисованіе?» сказалъ Семка. «Нарисуешь все, всякую вещь по ней сдѣлаешь!»—«Нѣтъ, это черченіе» сказалъ Оедька. «А зачѣмъ фигуры рисовать?» Здоровая натура Семки не затруднилась: «зачѣмъ палка, зачѣмъ липа?» сказалъ онъ, все постукивая по липѣ. «Ну да, зачѣмъ липа?» сказалъ я. «Стропила сдѣлать», отвѣчалъ Семка. «А еще лѣтомъ зачѣмъ, куда она не срублена?»—«Да ни зачѣмъ». «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, упорно допрашивалъ Оедька,—зачѣмъ растеть липа?» И мы стали говорить о томъ, что не все есть польза, а есть красота, и что искусство есть красота, и мы поняли другъ друга, и Оедька со всѣмъ понималъ, зачѣмъ липа растеть и зачѣмъ пѣть. Пронька согласился съ нами, но онъ понималъ болѣе красоту нравственную—добро. Семка понималъ своимъ большимъ умомъ, но не признавалъ красоты безъ пользы. Онъ сомнѣвался, какъ это часто бываетъ съ людьми большого ума, чувствующими, что искусство есть сила, но не чувствующими въ своей душѣ потребности этой силы; онъ такъ же, какъ они, хотѣлъ умомъ притти къ искусству и пытался зажечь въ себѣ этотъ огонь. «Будемъ пѣть завтра «Иже»—я помню свой голосъ.» У него вѣрный слухъ, но нѣтъ вкуса, изящества въ пѣніи. Оедька же совершенно понималъ, что липа хороша въ листьяхъ, и лѣтомъ хорошо сморѣть на нее, и больше ничего не надо. Пронька понималъ, что жалко ее срубить, потому что она тоже живая: «вѣдь это все равно, что кровь, когда изъ березы сокъ пьешь». Семка хотя и не говорилъ, но, видимо, думалъ, что мало въ ней проку, когда она тухлая. Мнѣ странно повторить, что мы говорили тогда, но, я помню, мы переговорили, какъ мнѣ кажется, все, что сказать можно о пользѣ, о красотѣ.

Мы пошли къ деревнѣ. Оедька все не пускалъ моей руки, теперь, мнѣ казалось, ужъ изъ благодарности. Мы всѣ были такъ близки въ эту ночь, какъ давно уже не были. Пронька пошелъ рядомъ съ нами по широкой дорогѣ деревни. «Вишь, огонь еще у Мазановыхъ!» сказалъ онъ. «Я нынче въ классъ шелъ, Гаврюха изъ кабака ѣхалъ, прибавилъ онъ, пья я-я-я-ный, распяный: лошадь вся въ мылѣ, а онъ-то ее ожариваетъ!.. Я всегда жалѣю. Право! За что ее бить?»—«А надѣсь батя,—сказалъ Семка,—пустилъ свою лошадь изъ Тулы, она его въ сугробъ и завезла, а онъ спитъ пьяный.»—«А Гаврюха такъ по глазамъ свою и хлещетъ... и такъ мнѣ жалко стало,—еще разъ сказалъ Пронька.—За что онъ ее билъ? Слѣзь да и хлещетъ». Семка вдругъ остановился. «Наши уже спятъ», сказалъ онъ, взглядываясь въ окна своей кривой черной избы. «Не пойдете еще?» «Нѣтъ». «Пра а-а-шайте, Л. Н.», крикнулъ онъ вдругъ и, какъ-будто съ усилиемъ оторвавшись отъ насъ, рысью побѣжалъ къ дому, поднялъ щеколду и скрылся. «Такъ ты и будешь разводить насъ—сперва одного, а потомъ другого?» сказалъ Оедька. Мы пошли дальше. У Проньки былъ огонь; мы заглянули въ окно: мать—высокая красивая, но извуренная женщина, съ черными бровями и глазами—сидѣла за столомъ и чистила картошку; на срединѣ висѣла люлька; математикъ 2-го класса, другой братъ Проньки, стоялъ у стола и ѣлъ картошку съ солью. Изба была черная, крошечная, грязная. «Пропаста на тебѣ нѣтъ!»—закричала мать на Проньку. «Гдѣ былъ?» Пронька кротко и болѣзненно улыбнулся, глядя на окошко. Мать догадалась, что онъ не одинъ, и сейчасъ перемѣнила выраженіе на нехорошее притворное выраженіе. Остался одинъ Оедька. «У насъ портные сидятъ, оттого свѣтъ», сказалъ онъ своимъ смягченнымъ голосомъ нынѣшняго вечера. «Прощай, Л. Н.», прибавилъ онъ тихо и нѣжно, и началъ стучать коломъ въ запертую дверь. «Отоприте!» прозвучалъ его тонкій голосъ среди зимней тишины деревни. Ему долго не отворяли. Я заглянулъ въ окно: изба была большая; съ печи и лавки видѣлись ноги; отецъ съ портнымъ игралъ въ карты, нѣсколько мѣднѣныхъ денегъ лежало на столѣ. Баба, мачиха, сидѣла у свѣтца и жадно глядѣла на деньги. Портной, прожженный ерыга, молодой мужикъ, держалъ на столѣ карты, согнутыя лубкомъ, и съ торже-

ствомъ глядѣлъ на партнера. Отецъ Оедьки, съ растегнутымъ воротникомъ, весь сморщившись отъ умственного напряженія и досады, переминая карты и въ нерѣшительности сверху замахивался на нихъ своею рабочею рукой. «Отоприте!» Баба встала и пошла отпирать. «Прощайте!»—еще разъ повторилъ Оедька. «Всегда такъ давайте ходить».

Я вижу людей честныхъ, добрыхъ, либеральныхъ, членовъ благотворительныхъ обществъ, которые готовы дать и даютъ одну сотую своего состоянія бѣднымъ; которые учредили и учреждаютъ школы и которые, прочтя это, скажутъ: нехорошо! и покачаютъ головой.—Зачѣмъ усиленно развивать ихъ? Зачѣмъ давать имъ чувства и понятія, которыя враждебно поставятъ ихъ въ своей средѣ? Зачѣмъ выводить ихъ изъ своего быта? скажутъ они. Я не говорю уже о тѣхъ, выдающихъ себя головою, которые скажутъ: хорошо будетъ устройство государства, когда всѣ захотятъ быть мыслителями и художниками, а работать никто не станетъ!—Эти прямо говорятъ, что они не любятъ работать, и потому нужна чтобы были люди, не то что неспособные для другой дѣятельности, а рабы, которые бы работали за другихъ. Хорошо ли, дурно ли должно ли выводить ихъ изъ ихъ среды и т. д.—кто это знаетъ? И кто можетъ вывести ихъ изъ своей среды? Точно это какое-нибудь механическое дѣло. Хорошо ли, или дурно подбавлять сахаръ въ муку, или перецъ въ пиво? Оедька не тяготится своимъ оборваннымъ кафтаномъ, во нравственные вопросы и сомнѣнія мучаютъ Оедьку, а вы хотите дать ему три рубля, катехизисъ и исторію о томъ, какъ работа и смиреніе, которыхъ вы сами терпѣть не можете, одни полезны для человѣка. Три рубля ему не нужны, онъ ихъ найдетъ и возьметъ, когда они ему понадобятся, а работать научится безъ васъ такъ же, какъ дышать; ему нужно то, до чего довела васъ ваша жизнь и вашихъ десять, не забытыхъ работой, поколѣній. Вы имѣли досугъ искать, думать, страдать, дайте же ему то, что вы выстрадали—ему этого одного и нужно, а вы, какъ египетскій жрецъ, закрываетесь отъ него таинственной мантией, зарываете въ землю талантъ, данный вамъ исторіей. Не бойтесь: человѣку ничто человѣческое не вредно. Вы сомнѣваетесь? Отдайтесь чувству, и оно не обманетъ васъ. Повѣрьте его природѣ, и вы убѣдитесь, что онъ возьметъ только то, что заповѣдала вамъ передатъ ему исторія, что страданіями вырабаталось въ васъ.

Изъ разсказа „Три смерти“.

... Карета была заложена; но ящикъ мѣшкалъ. Онъ зашелъ въ ямскую избу. Въ избѣ было жарко, душно, темно и тяжело, пахло жильемъ, печенымъ хлѣбомъ, капустой и овчиной. Нѣсколько человекъ ямщиковъ было въ горницѣ, кухарка возилась у печи, на печи въ овчинахъ лежалъ больной.

— Дядя Хведоръ! а, дядя Хведоръ!—сказалъ молодой парень ямщикъ, въ тулупѣ и съ кнутомъ за поясомъ, входя въ комнату обращаясь къ больному.

— Ты чаво, шабала, Оедьку спрашиваешь?—отозвался одинъ изъ ямщиковъ:—вишь, тебя въ карету жаутъ.

— Хочу сапогъ попросить; свои избилъ,—отвѣчалъ парень, вскидывая волосами и оправляя рукавицы за поясомъ.—Аль спитъ? А, дядя Хведоръ?—повторилъ онъ, подходя къ печи.

— Чаво?—послышался слабый голосъ, и рыжее худое лицо вагнулось съ печи. Широкая, исхудалая и поблѣднѣвшая рука, покрытая волосами, натягивала армякъ на острое плечо въ грязной рубахѣ.—Дай испить, братъ, ты чаво? Парень подаль ковшикъ съ водой.

— Да что, Оедя,—сказалъ онъ, переминаясь,—тебѣ, чай, сапогъ новыхъ не надо теперь; отдай мнѣ, ходить, чай, не будешь.

Больной, прижавъ усталую голову къ глянецвиту ковшу и мокая рѣдкіе, отвисшіе усы въ темной водѣ, слабо и жадно пилъ. Спутанная борода его была не чиста, впалые, тусклые глаза съ трудомъ поднялись на лицо парня. Отставъ отъ воды, онъ хотѣлъ поднять руку, чтобъ стереть мокрыя губы, но не могъ и отерся о рукавъ армяка. Молча и тяжело дыша носомъ, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза парню, собираясь съ силами...

— Може, ты кому пообѣщаль уже?—сказалъ парень,—такъ, ларомъ. Главное дѣло, мокреть на дворѣ, а мнѣ съ работой ѣхать. Я и подумалъ себѣ, дай у Оедьки сапогъ попрошу, ему, чай не надо. Може тебѣ самому надобны, ты скажи...

Въ груди больного что то стало переливаться и бурчать: онъ перегнулся и сталъ давиться горловымъ, не разрѣшавшимся кашлемъ.

— Ужъ гдѣ надобны,—неожиданно, сердито, на всю избу затрещала кухарка;—второй мѣсяцъ съ печи не слѣзаетъ. Вишь надрывается, даже у самой внутренность болить, какъ слышишь, только. Гдѣ ему сапоги надобны? Въ новыхъ сапогахъ хоронить

не станут. А уж давно пора, прости Господи согрѣшеніе! Вишь надрывается. Либо перевести его что-ль въ избу въ другую или куда! Такія больницы, слышь, въ городу есть; а то развѣ дѣло, занялъ весь уголь, да и шабашъ. Нѣтъ тебѣ простору никакого. А тоже чистоту спрашиваютъ.

— Эй, Серега! Иди, садись, господа ждутъ,—крикнулъ въ дверь почтовый староста.

Серега хотѣлъ уйти, не дождавшись отвѣта, но больной глазами во время кашля давалъ ему знать, что хочетъ отвѣтить.

— Ты сапоги возьми, Серега,—сказалъ онъ, подавивъ кашель и отдохнувъ немного.—Только, слышь, камень купи, какъ помру,—хрипя прибавилъ онъ.

— Спасибо, дядя, такъ я возьму, а камень, ей-ей, куплю.

— Вотъ, ребята, слышали,—могъ выговорить еще больной и снова перегнулся внизъ, и сталъ давиться.

— Ладно, слышали,—сказалъ одинъ изъ ямщиковъ,—иди, Серега, садись, а то вонъ опять староста бѣжитъ. Барыня вишь Ширкинская больная.

Серега живо скинулъ свои прорванные, несоразмѣрно большіе сапоги и швырнулъ подъ лавку. Новые сапоги дяди Федора приплыли какъ разъ по ногамъ. Серега, влѣзая на козлы, подбиралъ вожжи.

— Даромъ отдалъ?

— Аль завидно,—отвѣчалъ Серега, приподнимаясь и подвертывая около ногъ полы армяка.—Пуцай! Эхъ вы, любезныя!—крикнулъ онъ на лошадей, взмахнувъ кнуткомъ, и карета и коляска съ своими сѣдоками, чехоманами и важами, скрываясь въ сѣромъ осеннемъ туманѣ, быстро покатались по мокрой дорогѣ.

Больной ямщикъ остался въ душной избѣ на печи и, не выкашлявшись, черезъ силу повернулся на другой бокъ и затихъ.

Въ избѣ до вечера приходила, уходила, обѣдали,—больного было не слышно. Передъ ночью кухарка влѣзла на печь и черезъ его ноги достала тулупъ.

— Ты на меня не сердчай, Настасья,—проговорилъ больной, —скоро опростаю уголь-то твой.

— Ладно, ладно, что жъ, ничаво,—пробормотала Настасья.— Да что у тебя болитъ-то, дядя? Ты скажи.

— Все нутро изныло. Богъ его знаетъ что.

— Небось, и глотка болитъ, какъ кашляешь?

— Вездѣ больно. Смерть моя пришла—вотъ что. Охъ, охъ, охъ!—простоналъ больной.

— Ты ноги-то укрой вотъ такъ,—сказала Настасья, по дороге пятагиная на него армякъ и слѣзая съ печи.

Ночью въ избѣ слабо свѣтилъ ночникъ. Настасья и человекъ десять ямщиковъ съ громкимъ храпомъ спали на полу и по лавкамъ. Одинъ больной слабо кряхтѣлъ, кашлялъ и ворочался на печи. Къ утру онъ затихъ совершенно.

— Чудно что-то я нынче во снѣ видѣла,—говорила кухарка, въ полусвѣтѣ потягиваясь, на другое утро.—Вижу я, будто дядя Хведоръ съ печи слѣзъ и пошелъ дрова рубить. Дай, говорить, Настя, я тебѣ подсоблю; а я ему говорю: куда ужъ тебѣ дрова рубить, а онъ какъ схватитъ топоръ, да почнетъ рубить, такъ быстро, только щепки летать. Что-жъ, я говорю, ты вѣдь боленъ былъ? Нѣтъ, говоритъ, я здоровъ, да какъ замахнется, на меня страхъ и нашель. Какъ я закричу, и проснулась.—Уже не померъ ли? Дядя Хведоръ! а, дядя!

Федоръ не откликался.

— И то не померъ ли? Пойти посмотрѣть,—сказалъ одинъ изъ проснувшихся.

Свисшая съ печи худая рука, покрытая рыжеватыми волосами, была холодна и блѣдна.

— Пойти смотрителю сказать, кажись, померъ,—сказалъ ямщикъ.

Родныхъ у Федора не было,—онъ былъ дальній. На другой день его похоронили на новомъ кладбищѣ за рощей, и Настасья нѣсколько дней рассказывала всѣмъ про сонъ, который она видѣла, и про то, что она первая хватилась дяди Федора.

Пришла весна. По мокрымъ улицамъ города, между навозными льдинами, журчали торопливые ручьи; цвѣта одеждъ и звуки говора движущагося народа были ярки. Въ садикахъ за заборами пухнули почки деревьевъ, и вѣтви ихъ чуть слышно покачивались отъ свѣжаго вѣтра. Вездѣ лились и капали прозрачныя капли... Воробьи нескладно подпискивали и подпархивали на своихъ маленькихъ крыльяхъ. На солнечной сторонѣ, на заборахъ, домахъ и деревьяхъ, все двигалось и блестяло. Радостно, молодо было и на небѣ, и на землѣ, и въ сердцѣ человека.

Надъ могилой ямщика все еще не было камня, и только свѣтло-зеленая трава пробивалась надъ бугоркомъ, служившимъ единственнымъ признакомъ прошедшаго существованія человека.

— А грѣхъ тебѣ будетъ, Серега,—говорила разъ кухарка на станціи,—коли ты Хведору камня не купишь. То говорилъ зима, а нынче что-жъ слова не держишь? Вѣдь при мнѣ былъ. Онъ ужъ приходилъ къ тебѣ разъ просить; не купишь, еще разъ придетъ, душить станетъ.

— Да что, я развѣ отрекаюсь,—отвѣчалъ Серега,—я камень куплю, какъ сказалъ, куплю, въ полтора цѣлковыхъ куплю. Я забылъ, да вѣдь привезти надо. Какъ случай въ городѣ будетъ такъ и куплю.

— Ты бы хоть крестъ поставилъ, вотъ что,—отозвался старый ямщикъ, а то впрямь дурно. Сапоги то носишь.

— Гдѣ его возьмешь крестъ-то? Изъ полѣна не вытешешь!

— Что говоришь-то? Изъ полѣна не вытешешь? Изъ полѣна не вытешешь, возьми топоръ, да въ рошу пораньше сходи, вытешешь. Ясенку ли, что ли срубишь. Вотъ и голубецъ бреть. А то поиди еще—обѣздчика пой водкой. За всякою драмой поить, не наготовишься. Вонъ я намени вагу сломалъ, новую рубилъ важную, никто слова не сказалъ.

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ рошу.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшая не освѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснилъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви деревьевъ не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревьевъ, или шелеста по землѣ, нарушали тишину дѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замер на опушкѣ дѣса. Но снова послышался звукъ и равномерно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушекъ необычайно затрепетала, сочные листья ее зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей, со свистомъ перепорхнула два раза в, подергивая хвостикомъ сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочные бѣлыя почки летѣли на росистую траву, и легкой трескъ послышался изъ ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновенье все затихло, но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнуло макушкой на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка села и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блестя въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прзрачныя поблѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему свѣду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянные, щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревьевъ медленно, величаво зашептались надъ мертвымъ поникшимъ деревомъ.

ИЗЪ РОМАНА „ВОЙНА И МИРЪ“.

Поѣздка князя Андрея.

(Изъ IV части II тома).

Весною 1809 года князь Андрей поѣхалъ въ рязанскія вѣстия своего сына, котораго онъ былъ опекуномъ.

Пригрѣваемый весеннимъ солнцемъ, онъ сидѣлъ въ коляскѣ поглядывая на первую траву, первые листья березы и первыя клубы бѣлыхъ весеннихъ облаковъ, разбѣгавшихся по яркой синевѣ неба. Онъ ни о чемъ не думалъ, а весело и безсмысленно смотрѣлъ по сторонамъ.

Проѣхали перевозъ, на которомъ онъ годъ тому назадъ говорилъ съ Пьеромъ. Проѣхали грязную деревню, гумны, зеленые спускъ съ оставшимся снѣгомъ у моста, подъемъ по разбитымъ глинянымъ полосамъ живья и зеленѣющаго кое-гдѣ кустарника влѣхали въ березовый лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ лѣсу было почти жарко, вѣтру не слышно было. Береза, вся обсыпанная зелеными клейкими листьями, не шевелилась, и изъ-подъ прошлогоднихъ листьевъ, поднимая ихъ, вылѣзала, зеленѣя, первая трава и лиловые цвѣты. Разсыпанные кое-гдѣ по березнику мелкие или своею грубою вѣчною зеленью неприятно напоминали о зимѣ. Лошади зафыркали, влѣхавъ въ лѣсъ, и виднѣе запотѣли.

Лакей Петръ что-то сказалъ кучеру, кучеръ утвердительно отвѣтилъ. Но видно Петру мало было сочувствованія кучера: онъ повернулся на козлахъ къ барину.

— Ваше сиятельство, легко какъ!—сказалъ онъ, почтительно улыбаясь.

— Что?

— Легко, ваше сиятельство.

„Что онъ говоритъ?—подумалъ князь Андрей.—Да, объ веснѣ вѣрно,—подумалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.—И то, зелено все уже... какъ скоро! И береза, и черемуха, и ольха ужъ начинають... А дубъ и не замѣтно. Да, вотъ онъ, дубъ“.

На краю дороги стоялъ дубъ, вѣроятно, въ десять разъ старше березы, составлявшихъ лѣсъ, онъ былъ въ десять разъ толще и въ два раза выше каждой березы. Это былъ огромный, въ два обхвата дубъ, съ обломанными, давно видно, суками и съ обломанною корой, заросшею старыми болячками. Съ огромными своими неуклюжими, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, онъ старымъ, сердитымъ и презрительнымъ уродомъ стоялъ между улыбающимися березами. Только однѣ мертвыя вѣчно зеленыя ели, разсыпанныя по лѣсу, вмѣстѣ съ дубомъ не хотѣли подчиняться обновленію весны и не хотѣли видѣть ни весны, ни солнца.

„Весна, и любовь, и счастье!—какъ будто говорилъ этотъ дубъ,—и какъ не надоѣсть вамъ все одинъ и тотъ же глупый и безсмысленный обманъ. Все одно и то же, и все обманъ! Нѣтъ ни весны, ни солнца, ни счастья. Вонъ смотрите, сидятъ задавленные мертвыя ели, всегда одинокія, и вотъ и я растопырилъ свои обломанные, ободранные пальцы, гдѣ на выросли они—изъ спины, изъ боковъ; какъ выросли—такъ и стою, и не вѣрю вашимъ надеждамъ и обманамъ“.

Князь Андрей нѣсколько разъ оглянулся на этотъ дубъ, проѣзжая по лѣсу, какъ будто онъ чего то ждалъ отъ него. Цвѣты и трава были и подъ дубомъ, но онъ все такъ же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно стоялъ посреди ихъ.

„Да, онъ правъ, тысячу разъ правъ этотъ дубъ,—думалъ князь Андрей:—пускай другіе, молодые, вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь,—наша жизнь кончена!“ Цѣлый новый рядъ мыслей безнадежныхъ, но грустно-пріятныхъ въ связи съ этимъ дубомъ возникъ въ душѣ князя Андрея. Во время этого путешествія онъ какъ будто вновь обдумалъ всю свою жизнь, и пришелъ къ тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключенію, что ему начинать ничего было не надо, что онъ долженъ доживать свою жизнь, не дѣлая зла, не тревожась и ничего не желая.

По опекунскимъ дѣламъ рязанскаго имѣнія князю Андрею надо было видѣться съ уѣзднымъ предводителемъ. Предводителемъ былъ графъ Илья Андреевичъ Ростовъ, и князь Андрей въ срединѣ мая поѣхалъ къ нему.

Былъ уже жаркій періодъ весны. Лѣсъ уже весь одѣлся, была пыль и было такъ жарко, что, проѣзжая мимо воды, хотѣлось купаться.

Князь Андрей, невеселый и озабоченный соображеніями о томъ, что и что ему нужно о дѣлахъ спросить у предводителя, подъѣзжалъ по аллеѣ сада къ Отраденскому дому Ростовыхъ. Вправо изъ-за деревьевъ онъ услышалъ женскій веселый крикъ, и увидаль бѣгущую наперерѣзъ его коляски толпу дѣвушекъ. Впереди другихъ ближе подбѣгала къ коляскѣ черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая дѣвушка въ желтомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная бѣлымъ носовымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались пряди расчесавшихся волосъ. Дѣвушка что-то кричала, но, узнавъ чужого, не взглянувъ на него, со смѣхомъ побѣжала назадъ.

Князю Андрею вдругъ стало отъ чего-то больно. День былъ такъ хорошъ, солнце такъ ярко, кругомъ все такъ весело; а эта тоненькая и хорошенькая дѣвушка не знала и не хочетъ знать про его существованіе и была довольна и счастлива какою-то своею отдѣльною,—вѣрно глупою,—но веселою и счастливою жизнью. Чему она такъ рада? О чемъ она думаетъ? Не объ уставѣ военномъ, не объ устройствѣ рязанскихъ оброчныхъ. „О чемъ она думаетъ? И чѣмъ она счастлива?“—невольно съ любопытствомъ спрашивалъ себя князь Андрей.

Графъ Илья Андреевичъ въ 1809 году жилъ въ Отрадномъ все такъ же, какъ и прежде, то-есть принимая почти всю губернію, съ охотами, театрами, обѣдами и музыкантами. Онъ, какъ всякому новому гостю, былъ радъ князю Андрею, и почти насильно оставилъ его ночевать.

Въ продолженіе скучнаго дня, во время котораго князя Андрея занимали старшіе хозяева и почетнѣйшіе изъ гостей, которыми, по случаю приближающихся именинъ, былъ полонъ домъ стараго графа, Болконскій нѣсколько разъ взглядывая на Наташу, чему-то смѣявшуюся, веселившуюся между другою молодою половиной общества, все спрашивалъ себя: «о чемъ она думаетъ? Чему она такъ рада?»

Вечеромъ, оставшись одинъ въ новомъ мѣстѣ, онъ долго не могъ заснуть. Онъ читалъ, потомъ потушилъ свѣчу и опять зажегъ ее. Въ комнатѣ съ закрытыми изнутри ставнями было жарко. Онъ досадовалъ на этого глупаго старика (такъ онъ называлъ Ростова), который задержалъ его, увѣряя, что нужны бумаги въ городѣ, не доставлены еще, досадовалъ на себя за то, что остался.

Князь Андрей всталъ и подошелъ къ окну, чтобъ отворить его. Какъ только онъ открылъ ставни, лунный свѣтъ, какъ будто онъ насторожѣ у окна давно ждалъ этого, ворвался въ комнату. Онъ отворилъ окно. Ночь была свѣжая и неподвижно-свѣтлая. Предъ самымъ окномъ былъ рядъ подстриженныхъ деревьевъ, черныхъ съ одной и серебристо-освѣщенныхъ съ другой стороны. Подъ деревьями была какая-то сочная, мокрая, кудрявая растительность съ серебристыми кое-гдѣ листьями и стеблями. Далѣе за черными деревьями была какая-то блестящая росой крыша, правѣе большое кудрявое дерево, съ ярко-бѣлымъ стволемъ и сучьями, и выше его почти полная луна на свѣтломъ, почти беззвѣздномъ, весеннемъ небѣ. Князь Андрей облокотился на окно, и глаза его остановились на этомъ небѣ.

Комната князя Андрея была въ среднемъ этажѣ; въ комнатахъ надъ нимъ тоже жили и не спали. Онъ услышалъ сверху женскій говоръ.

— Только еще одинъ разъ,—сказалъ сверху женскій голосъ, который сейчасъ узналъ князь Андрей.

— Да когда же ты спать будешь?—отвѣчалъ другой голосъ.

— Я не буду, я не могу спать, что жъ мнѣ дѣлать! Ну, послѣдній разъ...

Два женскіе голоса зашѣли какую-то музыкальную фразу, составлявшую конецъ чего то.

— Ахъ, какая прелесть! Ну, теперь спать, и конецъ.

— Ты спи, а я не могу,—отвѣчалъ первый голосъ, приблизившійся къ окну. Она, видимо, совсѣмъ высунулась въ окно, потому что слышно было шуршанье ея платья и даже дыханіе. Все затихло и окаменѣло, какъ и луна, и ея свѣтъ, и тѣни. Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего невольнаго присутствія.

— Соня, Соня!—послышался опять первый голосъ.—Ну, какъ можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ахъ, какая прелесть! Да проснись же, Соня!—сказала она почти со слезами въ голосъ.—Вѣдь этакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Соня неохотно что-то отвѣчала.

— Нѣтъ, ты посмотри, что за луна!.. Ахъ, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Такъ бы вотъ сѣла на корточки, вотъ такъ, подхватила бы себя подъ колѣнки,—туже, какъ можно туже—натужиться надо и полетѣла бы... Вотъ такъ!

— Полно, ты упадешь.

Послышалась борьба и недовольный голосъ Сони:

— Вѣдь второй часъ.

— Ахъ, ты только все портишь мнѣ. Ну, иди, иди.

Опять все замолкло, но князь Андрей зналъ, что она все еще сидитъ тутъ, онъ слышалъ иногда тихое шевеленье, иногда вздохи.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! что жъ это такое!—вдругъ вскрикнула она.—Спать, такъ спать!—и захлопнула окно.

«И дѣла нѣтъ до моего существованія!» подумалъ князь Андрей въ то время, какъ онъ прислушивался къ ея говору. почему-то ожидая и боясь, что она скажетъ что-нибудь про него.—„И спать она! И какъ нарочно!“ думалъ онъ. Въ душѣ его вдругъ подвѣялась такая неожиданная путаница молодыхъ мыслей и надеждъ, противорѣчащихъ всей его жизни, что онъ, чувствуя себя не въ силахъ уяснить себѣ свое состояніе, тотчасъ же заснулъ.

— На другой день, простившись только съ однимъ не дождавшимся выхода дамъ, князь Андрей поѣхалъ домой.

Уже было начало іюня, когда князь Андрей, войдя въ свой корявый дубъ такъ странно и памятно пораженный чики еще глуше звенѣли въ лѣсу, чѣмъ подорожные, вдали, въ густомъ, тѣсно и густо; все было полно, тѣсно и густо; панья по лѣсу, не нарушали общей, подъ общій характеръ, нѣжно зеленѣющей бѣгами.

Цѣлый день былъ жаркій, ко небольшая тучка брызнула на Лѣвая сторона лѣса была цевитая блестяла на солнцѣ въ пвѣту; соловьи трещали въ „Да, здѣсь, въ то мѣсто, мы были согласны“

Полно, ты упадешь. Послышалась борьба и недовольный голосъ Сони: — Вѣдь второй часъ. — Ахъ, ты только все портишь мнѣ. Ну, иди, иди. Опять все замолкло, но князь Андрей зналъ, что она все еще сидитъ тутъ, онъ слышалъ иногда тихое шевеленье, иногда вздохи. — Ахъ, Боже мой! Боже мой! что жъ это такое! — вдругъ вскрикнула она. — Спать, такъ спать! — и захлопнула окно. «И дѣла нѣтъ до моего существованія!» подумалъ князь Андрей въ то время, какъ онъ прислушивался къ ея говору. почему-то ожидая и боясь, что она скажетъ что-нибудь про него. — И спать она! И какъ нарочно! думалъ онъ. Въ душѣ его вдругъ подвѣялась такая неожиданная путаница молодыхъ мыслей и надеждъ, противорѣчащихъ всей его жизни, что онъ, чувствуя себя не въ силахъ уяснить себѣ свое состояніе, тотчасъ же заснулъ. На другой день, простившись только съ однимъ не дождавшимся выхода дамъ, князь Андрей поѣхалъ домой. Уже было начало іюня, когда князь Андрей, войдя въ свой корявый дубъ такъ странно и памятно пораженный чики еще глуше звенѣли въ лѣсу, чѣмъ подорожные, вдали, въ густомъ, тѣсно и густо; все было полно, тѣсно и густо; панья по лѣсу, не нарушали общей, подъ общій характеръ, нѣжно зеленѣющей бѣгами. Цѣлый день былъ жаркій, ко небольшая тучка брызнула на Лѣвая сторона лѣса была цевитая блестяла на солнцѣ въ пвѣту; соловьи трещали въ „Да, здѣсь, въ то мѣсто, мы были согласны“

думалъ опять князь Андрей, глядя на лѣвую сторону дороги и, самъ того не зная, не узнавая его, любовался тѣмъ дубомъ, котораго онъ искалъ. Старый дубъ, весь преобразенный, раскинувшись шатромъ сочной темной зелени, млѣлъ, чуть колыхаясь въ лучахъ вечерняго солнца. Ни корявыхъ пальцевъ, ни болячекъ, ни стараго недовѣрія и горя,—ничего не было видно. Сквозь жесткую, столѣтнюю кору пробились безъ сучковъ сочные, молодые листья, такъ что вѣрить нельзя было, что этотъ старикъ произвелъ ихъ. „Да, это тотъ самый дубъ“, подумалъ князь Андрей, и на него вдругъ нашло безпричинное, весеннее чувство радости и обновленія. Всѣ лучшія минуты его жизни вдругъ въ одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлицъ съ высокимъ небомъ, и мертвое укоризненное лицо жены, и Пьеръ на паромѣ, и дѣвочка, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна, и все это вдругъ вспомнилось ему.

„Нѣтъ, жизнь не кончена въ 31 годъ,—вдругъ окончательно, безперемѣнно рѣшилъ князь Андрей.—Мало того, что я знаю все то, что есть во мнѣ, надо, чтобы и всѣ знали это: и Пьеръ, и эта дѣвочка, которая хотѣла улетѣть на небо; надо, чтобы всѣ знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они такъ независимо отъ моей жизни, чтобы на всѣхъ она отражалась и чтобы всѣ они жили со мною вмѣстѣ!“

Въ Бородинскомъ сраженіи.

Когда Пьеръ совсѣмъ очнулся на другое утро, въ избѣ уже никого не было. Стекла дребезжали въ маленькихъ окнахъ. Берейторъ стоялъ, расталкивая его,

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство, ваше сіятельство... —упорно, не глядя на Пьера и, видимо, потерявъ надежду разбудить его, раскачивая его за плечо, приговаривалъ берейторъ.

— Что, началось? Пора? заговорилъ Пьеръ, проснувшись.

— Изволите слышать пальбу,—сказалъ берейторъ, отставной солдатъ: уже всѣ господа повышли, сами свѣтлѣйшіе давно проѣхали.

Пьеръ поспѣшно одѣлся и выбѣжалъ на крыльцо. На дворѣ было ясно, свѣжо, росисто и весело. Солнце, только что вырвавшись изъ за тучи, заслонявшей его, брызнуло до половины переломленными тучей лучами черезъ крыши противоположной улицы на покрытую росой пыль дороги, на стѣны домовъ, на окна забора и на лошадей Пьера, стоявшихъ у избы. Гулъ пушекъ яснѣе слышался на дворѣ. По улицѣ прорысали адъютантъ съ казакомъ.

— Пора, графъ, пора!—прокричалъ адъютантъ.

Приказавъ вести за собой лошадь, Пьеръ пошелъ по улицѣ къ кургану, съ котораго онъ вчера смотрѣлъ на поле сраженія. На курганѣ этомъ была толпа военныхъ и слышался французскій говоръ штабныхъ и виднѣлась сѣдая голова Кутузова, съ его бѣлою съ краснымъ околышемъ фуражкой и сѣдымъ затылкомъ, утонувшимъ въ плечи. Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу по большо-й дорогѣ.

Войдя по ступенкамъ впереди себя

взглянулъ зрѣлица. съ этого и дыма-ся сзади хѣ, про-темныя, о высѣ-нѣлись ими за-рытая, сне-влен-зило цины

его, па-и-ть-чу-з-о-и-

по лѣсамъ, по полямъ въ низахъ, на вершинахъ возвышеній, зарождались безпрестанно сами собой изъ ничего пушечные, то одинокие, то гуртовые, то рѣдкіе, то частые клубы дымовъ, которые, распухая, разрастаясь, клубясь, сливаясь, виднѣлись по всему этому пространству.

Эти дымы выстрѣловъ, и, странно сказать, звуки ихъ, производили главную красоту зрѣлица.

„Пуффъ!“—вдругъ виднѣлся круглый, плотный, играющій лиловымъ, сѣрымъ и молочно-бѣлымъ цвѣтами дымъ, и «бумъ!»—раздавался черезъ секунду звукъ этого дыма.

„Пуфъ-пуфъ“,—поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь, и «бумъ бумъ»—подтверждали звуки то, что видѣлъ глазъ.

Пьеръ оглядывался на первый дымъ, который онъ оставилъ округлымъ, плотнымъ мячикомъ, и уже на мѣстѣ его были шары дыма, тянущагося въ сторону, и пуфъ... (съ остановкой) пуфъ-пуфъ—зарождались еще три, еще четыре, и на каждой съ тѣми разстановками бумъ... бумъ бумъ-бумъ—отвѣчали красивые, твердые, вѣрные звуки. Казалось то, что дымы эти бѣжали, то, что они стояли и мимо нихъ бѣжали лѣса, поля и блестящіе штыки. Съ лѣвой стороны по полямъ и кустамъ безпрестанно зарождались эти большіе дымы, со своими торжественными отголосками, и ближе еще по низамъ и лѣсамъ вспыхивали маленькіе, не успѣвшіе округляться дымки ружей, и точно такъ же давали свои маленькіе отголоски. Трахъ-та-та тахъ—трещали ружья хотя и часто, но неправильно и бѣдно въ сравненіи съ орудійными выстрѣлами.

Пьеру захотѣлось быть тамъ, гдѣ были эти дымы, эти блестящіе штыки, это движеніе, эти звуки. Онъ оглянулся на Кутузова и на его свиту, чтобы свѣрить свое впечатленіе съ другими. Всѣ точно такъ же, какъ и онъ, и, какъ ему казалось, съ тѣмъ же чувствомъ смотрѣли впередъ на поле сраженія.

— Поѣзжай, голубчикъ, поѣзжай, Христось съ тобой,—говорилъ Кутузовъ, не спуская глазъ съ поля сраженія, генералу, стоявшему подлѣ него.

Выслушавъ приказаніе, генераль этотъ прошелъ мимо Пьера, къ сходу съ кургана.

— Къ переправѣ!—холодно и строго сказалъ генераль въ отвѣтъ на вопросъ одного изъ штабныхъ, куда онъ ѣдетъ.

„И я, и я“, подумалъ Пьеръ и пошелъ по направленію за генераломъ.

...Курганъ, на который вошелъ Пьеръ, былъ то знаменитое (потомъ извѣстное у русскихъ подъ именемъ кургановой батареи или батареи Раевского, а у французовъ подъ именемъ «большого редута», «рокового редута», «центрального редута») мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей, и которое французы считали важнѣйшимъ пунктомъ позиціи.

Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстіе валовъ.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Входя въ этотъ курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Пьеру, напротивъ, казалось, что это мѣсто (именно потому, что онъ находился на немъ) было одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ сраженія.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флешы Багратиона, но изъ за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть. Притомъ, наблюденія за тѣмъ, какъ бы семейнымъ (отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батарее, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его бессознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида одиноко-лежащаго солдата на дугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружающія его лица.

Къ десяти часамъ уже человекъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды, и залетали, жужжа и свистя, дальнія пули. Но люди, бывшіе на батарее, какъ-будто не замѣчали этого: со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиненка!—кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату,—не сюда! Къ пѣхотнымъ!—съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Что, знакомая?—смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подъ пролетѣвшимъ ядромъ.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди,

— И цѣпь сняли, видишь, назадъ прошли,—говорили они, указывая черезъ валъ,

— Свое дѣло гляди,—крикнулъ на нихъ старый унгеръ-офицеръ.—Назадъ прошли, значитъ, назадъ дѣло есть.—И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію, накатывай!—кричали съ одной стороны.

— Разомъ, дружище, по-бурлацки!—слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпу не сбила,—показывая зубы, смѣялся на Пьера краснорожій шутникъ.—Эхъ, нескладная,—укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человека.—Ну, вы, лисицы!—смѣялся другой на изгибающихся ополченцевъ, входившихъ на батарею за раненымъ.—Аль не вкусна каша? Ахъ, вороны, заколянулись!—кричали на ополченцевъ, замывшихся предъ солдатикомъ съ оторванной ногой.—Тое кое, малый,—передразнивали мужиковъ.—Страсть не любить!

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждого попавшаго ядра, послѣ каждой потери, все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе.

Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молнія скрытаго, разгорающагося огня.

Пьеръ не смотрѣлъ впереди на поле сраженія и не интересовался знать о томъ, что тамъ дѣлалось: онъ весь былъ поглощенъ въ созерцаніе этого, все болѣе и болѣе разгорающагося огня, который точно такъ же (онъ чувствовалъ) разгорался и въ его душѣ.

...На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человекъ лежали не убранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты. Никто уже не обращалъ вниманія на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ, съ нахмуреннымъ лицомъ, большими быстрыми шагами переходилъ отъ одного орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше раздумавшись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали какъ на пружинахъ.

Грозвая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ. Онъ стоялъ подлѣ старшаго офицера. Молоденькій офицерикъ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь?—спросилъ онъ.

— Картечь!—не отвѣчая, крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось; офицерикъ ахнулъ и, свернувшись съль на землю, какъ на лету подстрѣленная птица. Все сдѣлалось странно, неясно и пасмурно въ глазахъ Пьера.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Пьеръ, прежде не слышавшій этихъ звуковъ, теперь только слышалъ одни эти звуки. Сбоку батареи, справа, съ крикомъ «ура» бѣжали солдаты не впереди, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, предъ которымъ стоялъ Пьеръ, ссыпало землю, и въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ, и въ то же мгновеніе шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью!—крикнулъ офицеръ.

Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шопотомъ (какъ за обѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяйну, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбойники, что дѣлаютъ!—закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру. Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли.—Бѣги къ резервамъ, приводи ящики!—крикнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера, и обращаясь къ своему солдату.

— Я пойду,—сказалъ Пьеръ. Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону.

— Не стрѣлять.... Выждидай—кричалъ онъ.

Солдаты, которому приказано было идти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ,—сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударилось впереди, съ боковъ, свали. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. «Куда я?» вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ. Онъ остановился въ нерѣшительности, идти ему назадъ, или впереди. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ то же мгновеніе блескъ большого огня освѣтилъ его, и въ то же мгновеніе раздался оглушающій зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ, очнувшись, сидѣлъ на задѣ, опираясь руками о землю; ящика, около, котораго онъ былъ, не было; только валялись, зеленые, обожженные доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошади, трепля обломками оглобелей, проскакала отъ него, а другая такъ же, какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то же время, какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какіе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какіе это были люди. Онъ увидѣлъ ставшаго полковника, задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ будто разсматривающаго что-то внизу, и видѣлъ одного замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впереди отъ людей, державшихъ его за руку, кричалъ: «братцы!» и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ не успѣлъ еще сообразить того, что полковникъ былъ убитъ, что кричавшій «братцы» былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколотъ штыкомъ въ спину другой солдатъ. Едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человекъ, въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ, инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они не видавъ разбѣжались другъ противъ друга, выставилъ руки и схватилъ этого человека (это былъ французскій офицеръ) одною рукой за плечо, другою за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣніи о томъ, что они сдѣлали и что имъ дѣлать. «Я ли взять въ плѣнъ, или онъ взять въ плѣнъ мною?» думалъ каждый изъ нихъ. Но очевидно французскій офицеръ болѣе склонился къ мысли, что въ плѣнъ взять онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая невольнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самой головой ихъ низко и страшно просвистѣло ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана: такъ быстро онъ согнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и опустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненыхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ на встрѣчу ему показались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею.

Французы, занявшіе батарею, побѣжали. Наши войска съ криками ура, такъ далеко за батарею прогнали французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, русскихъ и французовъ, съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли и на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ вошелъ на курганъ, гдѣ онъ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка, который принялъ его къ себѣ, онъ не нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицерикъ сидѣлъ, все также свернувшись у края вала, въ лужѣ крови. Краснорожій солдатъ еще дергался, но его не убивали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

«Нѣтъ, теперь они оставятъ это, теперь они ужаснутся того, что они сдѣлали!» думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

...Но солнце, застигаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности надѣво у Семеновскаго, кипѣло что-то въ дыму, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но и усиливались до отчаянности, какъ человекъ, который, надрываясь, кричитъ изъ послѣднихъ силъ.

...Нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ лежало жертвами въ разныхъ положеніяхъ и мундирахъ на поляхъ и лугахъ, принадлежавшихъ господамъ Давыдовымъ и казеннымъ крестьянамъ, на тѣхъ поляхъ и лугахъ, на которыхъ сотни лѣтъ одновременно

собирали урожай и пасли скотъ крестьяне деревень Бородинъ, Горюкы, Шевардина и Семеновскаго. На перевязочныхъ пунктахъ, на десятину мѣста трава и земля были пропитаны кровью. Толпы раненыхъ и не раненыхъ разныхъ командъ людей, съ испуганными лицами, съ одной стороны брели назадъ къ Можайску, съ другой стороны назадъ къ Валуеву. Другія толпы, измученныя и голодныя, ведомыя начальниками, шли впередъ Третья стояли на мѣстахъ и продолжали стрѣлять.

Надъ всѣмъ полемъ, прежде столь весело-красивымъ, съ его блестящими штыковъ и дымами въ утреннемъ солнцѣ, стояла теперь мгла сырости и дыма, и пахло странною кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и сталъ накрапывать дождикъ на убитыхъ, на раненыхъ, на испуганныхъ и на изнуренныхъ, и на сомнѣвающихся людей. Какъ будто онъ говорилъ: «довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы дѣлаете?»

Измученнымъ, безъ пищи и безъ отдыха, людямъ той и другой стороны начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли имъ еще истреблять другъ друга и на всѣхъ лицахъ было замѣтно колебаніе, и въ каждой душѣ одинаково поднимался вопросъ: „зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, дѣлайте, что хотите, а я не хочу больше!“ Мысль эта къ вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую минуту могли всѣ эти люди ужаснуться того, что они дѣлали, бросить все и побѣжать, куда попало.

Но хотя уже къ концу сраженія люди чувствовали весь ужасъ своего поступка, хотя они рады бы были перестать, какая-то непонятная таинственная сила еще продолжала руководить ими и запотѣлые, въ порохѣ и крови, оставшіеся, по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкаясь и задыхаясь отъ усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили; и ядра такъ же быстро и жестоко перелетали съ обѣихъ сторонъ и расплюскивали человѣческое тѣло.

Тотъ, кто посмотрѣлъ бы на разстроенные зады русской арміи, сказалъ бы, что французамъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и русская армія исчезнетъ; и тотъ, кто посмотрѣлъ бы на зады французовъ, сказалъ бы, что русскимъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и французы погибнутъ. Но ни французы, ни русскіе не дѣлали этого усилія, и пламя сраженія медленно догорало.

Русскіе не дѣлали этого усилія потому, что не они атаковали французовъ. Въ началѣ сраженія они только стояли по дорогѣ въ Москву, загораживая ее, и точно также они продолжали стоять при концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели бы даже цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы сбить французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе потому, что всѣ войска русскихъ были разбиты, не было ни одной части войска не пострадавшей въ сраженіи, и русскіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ, потеряли половину своего войска.

Французамъ, съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ пятнадцатилѣтнихъ побѣдъ, съ увѣренностью въ непобѣдимости Наполеона, съ сознаниемъ того, что они завладѣли частью поля сраженія, что они потеряли только одну четверть людей и что у нихъ еще есть двадцатитысячная, нетронутая гвардія, легко было сдѣлать это усиліе. Французамъ, атаковавшимъ русскую армію съ цѣлью сбить ее съ позиціи, должно было сдѣлать это усиліе, потому что до тѣхъ поръ, пока русскіе, точно такъ же, какъ и до сраженія, загораживали дорогу въ Москву, цѣль французовъ не была достигнута, и всѣ ихъ усилія и потери пропали даромъ. Но французы не сдѣлали этого усилія.

Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то похожее на сновидѣнье чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали одинаковое чувство ужаса предъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской, атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоять войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою гибель; но оно не могло остановиться, такъ же какъ и не могло не отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истѣкая кровью отъ смертельной, нанесенной при Бородинѣ, раны. Прямымъ слѣдст-

віемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой, смоленской дорогѣ, погибель пятисотъ тысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

Совѣтъ въ Филяхъ предъ сдачею Москвы.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Маша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Маша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Маша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и растегнутый, все какъ будто жаль ему шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что деньщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голою головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнял брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Машаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Маша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную и древнюю столицу Россіи!—вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: «Спасеніе Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерей арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?» Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откатнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патриотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были спор-

въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Беннигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы предъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣла, и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось предъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между «дѣдушкой» и «длиннополымъ», какъ она называла Беннигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Беннигсена, и вслѣдъ затѣмъ, къ радости своей, замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополуму, осадилъ его: Беннигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Беннигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Беннигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, — сказала, Кутузовъ, не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, прищипывая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Беннигсена). Да вотъ хотя бы Фриландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... — не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля... Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— И такъ, господа, стало-быть мнѣ платить за перебитые горшки, сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я — приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ не громкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапазонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали уживать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ноженками за уступы печки и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: «Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ, — сказалъ онъ вшедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру: — этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость — сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать какъ турки, — не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу! — будутъ и они, только бы!...

Отъѣздъ Ростовыхъ изъ Москвы въ 1812 году.

Проснувшись утромъ 1-го сентября, графъ Илья Андреевичъ (Ростовъ) потихоньку вышелъ изъ спальни, чтобы не разбудить къ утру заснувшую графиню, и въ своемъ лиловомъ шелковомъ халатѣ вышелъ на крыльцо. Подводы, увязанныя, стояли на дворѣ. У крыльца стояли экипажи. Дворецкій стоялъ у подъѣзда, разговаривая со старикомъ-деньщикомъ и молодымъ блѣднымъ офицеромъ съ подвязанной рукой. Дворецкій, увидавъ графа, сдѣлалъ офицеру и деньщику значительный и строгій знакъ, чтобы они удалились.

— Ну, что? все готово, Васильичъ? — сказала графъ, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и деньщика и кивая имъ головой. (Графъ любилъ новыя лица).

— Хоть сейчасъ запрягать, ваше сіятельство.

— Ну, и славно; вотъ графиня проснется — и съ Богомъ!

— Вы что, господа, — обратился онъ къ офицеру: — у меня въ домѣ?

Офицеръ подвинулся ближе. Блѣдное лицо его вспыхнуло вдругъ яркой краской.

— Графъ, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ... ради Бога... гдѣ вибудь пріютиться въ вашихъ подводахъ. Здѣсь у меня ничего съ собой нѣтъ... Мнѣ на возу все равно... — Еще не успѣлъ договорить офицеръ, какъ деньщикъ съ той же просьбой для своего господина обратился къ графу.

— Ахъ! да, да, да! — поспѣшно заговорилъ графъ. — Я очень, очень радъ. Васильичъ, ты распорядись; ну, тамъ очистить одну или двѣ телѣги, ну, тамъ... что же... что нужно... — какими то неопредѣленными выраженіями, что то приказывая, сказалъ графъ. Но въ то же мгновеніе горячее выраженіе благодарности офицера уже закрѣпило то, что онъ приказывалъ. Графъ оглянулся вокругъ себя; на дворѣ, въ воротахъ, въ окнѣ флигеля — раненые и деньщики. Всѣ они смотрѣли на графа и подвигались къ крыльцу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ галерею: тамъ какъ прикажете насчетъ картинъ? — сказала дворецкій. И графъ, вмѣстѣ съ нимъ, вошелъ въ домъ, повторивъ свое приказаніе о томъ, чтобы не отказывать раненымъ, которые просятъ ѣхать.

— Ну, что же, можно сложить что-нибудь! — прибавилъ онъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ, какъ будто боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ.

Въ 9 часовъ проснулась графиня, и Матрена Тимофеевна, горничная графини, пришла доложить ей, что подводы развязываютъ, добро снимаютъ, и набираютъ съ собой раненыхъ, которыхъ графъ, по своей простотѣ, приказалъ забирать съ собой. Графиня велѣла попросить къ себѣ мужа.

— Что это, мой другъ, я слышу вещи опять снимаютъ?

— Знаешь, ma chère, я вотъ что хотѣлъ сказать... ma chère, графинюшка, ко мнѣ приходилъ офицеръ... просятъ, чтобы дать нѣсколько подводъ подъ раненыхъ. Вѣдь это все дѣло наживное, а каково имъ оставаться, подумай!.. Право, у насъ на дворѣ, сами мы ихъ зазвали, офицеры тутъ есть... знаешь, думаю, право... пускай ихъ свезутъ... куда же торопиться? — Графъ робко сказалъ это, какъ онъ всегда говорилъ, когда дѣло шло о деньгахъ. Графиня же долгомъ считала всегда противоборствовать тому, что выражалось этимъ рубкимъ тономъ.

Она приняла свой покорно-плачевный видъ и сказала мужу:

— Послушай, графъ, вѣдь ты самъ говоришь, что въ домѣ на сто тысячъ добра. Я, мой другъ, не согласна и не согласна. Воля твоя! Посмотри вонъ, напротивъ, у Лопухиныхъ еще третьяго дня все дочиста вывезли. Вотъ какъ люди дѣлаютъ. Одни мы дураки. Пожалѣй хоть не меня, такъ дѣтей.

Графъ замахалъ руками и, ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты.

— Папа! о чемъ вы это? — сказала Наташа, вслѣдъ за нимъ вошедшая въ комнату.

— Ни о чемъ! Тебѣ что за дѣло? — сердито проговорилъ графъ.

— Нѣтъ, я слышала, — сказала Наташа.

— Отчего же маменька не хочетъ?

— Тебѣ что за дѣло? — крикнулъ графъ. Наташа отошла къ окну и, какъ будто съ трудомъ соображая, пошла за отцомъ, а потомъ пошла внизъ.

На крыльцѣ стоялъ Петя, занимавшійся вооруженіемъ людей, которые ѣхали изъ Москвы. На дворѣ все также стояли запряженные подводы. Двѣ изъ нихъ были развязаны, и на одну изъ нихъ взлѣзалъ офицеръ, поддерживаемый деньщикомъ.

— Ты знаешь за что? — спросилъ Петя Наташу. (Наташа поняла, что Петя разумѣлъ: за что поссорились отецъ съ матерью). Она не отвѣчала.

— За то, что папенька хотѣлъ отдать всѣ подводы подъ раненыхъ, — сказала Петя. — Мнѣ Васильичъ сказалъ. По-моему...

— По-моему, — вдругъ почти закричала Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ: — по моему, это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю. Развѣ мы нѣмцы какіе нибудь?... — Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабѣть и выпустить даромъ запасъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ вверхъ.

Графъ съ трубкою въ рукахъ ходилъ по комнатѣ, когда Наташа, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, какъ буря, ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

— Это гадость! это мерзость! — закричала она. — Это не мо-

жетъ быть, чтобы вы приказали!—Графиня недоумѣвающе, испуганно смотрѣла на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

— Маменька, это нельзя; посмотрите, что на дворѣ!—закричала она:—они остаются!..

— Что съ тобой? Кто они? Что тебѣ надо?

— Раненые,—вотъ кто! Это нельзя маменька, это ни въ что не похоже... Нѣтъ, маменька, голубушка... Маменька, ну что намъ то, что мы увеземъ! вы посмотрите только, что на дворѣ!... Маменька!... Это не можетъ быть!..

Графъ стоялъ у окна, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ лицо свое къ окну. Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, увидала ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывался на нее, и съ растеряннымъ видомъ оглянулась вокругъ себя.

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите! Развѣ я мѣшаю кому-нибудь!—сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

— Маменька, голубушка, простите меня!

Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

— Mon cher, ты распорядись, какъ надо... Я вѣдь не знаю этого,—сказала она, виновато опуская глаза.

— Яйца... яйца курицу учать...—сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо.

— Папенька, маменька! Можно распорядиться? Можно?...—спрашивала Наташа.

— Мы все-таки возьмемъ все самое нужное...—говорила Наташа.

Графъ утвердительно кивнулъ ей головой. Наташа тѣмъ быстрымъ бѣгомъ, которымъ она бѣгивала въ горѣлки, побѣжала по залѣ въ переднюю и по лѣстницѣ на дворъ.

Люди собрались около Наташи и до тѣхъ не могли повѣрить тому странному приказанію, которое она передавала, пока самъ графъ, именемъ своей жены, не подтвердилъ приказаніе о томъ, чтобы отдавать всѣ подводы подъ раненыхъ, а сундуки сносить въ кладовыя. Понявъ приказаніе, люди съ радостью и хлопотливостью принялись за новое дѣло. Прислугѣ теперь это не только не казалось страннымъ, но, напротивъ, казалось страннымъ, что это могло быть иначе; точно такъ же, какъ за четверть часа передъ этимъ, никому не только не показалось страннымъ, что оставляютъ раненыхъ, а берутъ вещи, но казалось, что не могло быть иначе.

Всѣ домашніе, какъ бы выплачивая за то, что они равьше не взяли за это, принялись съ хлопотливостью за новое дѣло размѣщенія раненыхъ. Раненые выползли изъ своихъ комнатъ и съ радостными, блѣдными лицами окружали подводы. Въ сосѣднихъ домахъ тоже разнесся слухъ, что есть подводы, и на дворъ къ Ростовымъ стали приходять раненые изъ другихъ домовъ. Многіе изъ раненыхъ просили не снимать вещи, и только посадить ихъ сверху. Но разъ начавшееся дѣло свалки вещей уже не могло остановиться. Было все равно, оставлять все или половину. На дворѣ лежали неубранные сундуки съ посудой, съ бронзой, съ картинами, зеркалами, которыя такъ старательно укладывали въ прошлую ночь, и все искали, и находили возможность сложить то и то, и отдать еще и еще подводы.

— Четырехъ еще можно взять, говорилъ управляющій:—я свою повозку отдаю, а то куда же ихъ?

— Да отдайте мою гардеробную,—говорила графиня,—Дуняша сядетъ со мною въ карету.

Отдали еще и гардеробную повозку, и отправили ее за ранеными черезъ два дома. Всѣ домашніе и прислуга были весело оживлены. Наташа находилась въ восторженно-счастливомъ оживленіи, котораго она давно не испытывала.

— Куда же его привязать?—говорили люди, прилаживая сундукъ къ узкой запяткѣ кареты: надо хоть одну подводу оставить.

— Да съ чѣмъ онъ?—спрашивала Наташа.

— Съ книгами графскими.

— Оставьте. Васильичъ уберетъ. Это не нужно.

Въ бричкѣ все было полно людей; сомнѣвались о томъ, куда сядетъ Петръ Ильичъ.

— Онъ на козлы. Вѣдь ты на козлы, Петя?—кричала Наташа.

Во второмъ часу заложенные и уложенные четыре экипажа Ростовыхъ стояли у подъезда. Подводы съ ранеными, одна за другой, сѣзжали со двора.

На крыльцѣ и на дворѣ уѣзжавшіе люди, съ кинжалами и саблями, которыми ихъ вооружилъ Петя, съ заправленными за сапоги панталонами и туго перепоясанными ремнями и кушаками, прощались съ тѣми, которые оставались.

Какъ и всегда при отъѣздахъ, многое было забыто и не такъ уложено, и довольно долго два гайдука стояли съ обѣихъ створонъ отворенной дверцы и ступенекъ кареты, готовясь подсадить графиню, въ то время, какъ бѣгали дѣвушки съ подушками, съ узелками изъ дому въ кареты, и коляску, и бричку, и обратно.

— Вѣкъ свой все перезабудутъ! говорила графиня.—Вѣдь ты знаешь, что я не могу такъ сидѣть.—И Дуняша, стиснувъ зубы и не отвѣчая, съ выраженіемъ упрека на лицѣ, бросилась въ карету передѣлывать сидѣнье.

— Ахъ, народъ этотъ!—говорилъ графъ, покачивая головою. Старый кучеръ Ефимъ, съ которымъ однимъ только рѣшалась ѣздить графиня, сидя высоко на своихъ козлахъ, даже не оглядывался на то, что дѣлалось позади его. Онъ тридцатилѣтнимъ опытомъ зналъ, что не скоро еще ему скажутъ «съ Богомъ», и что когда скажутъ, то еще два раза остановятъ его и пошлютъ за забытыми вещами, и ужъ послѣ этого еще разъ остановятъ, и графиня сама высунется къ нему въ окно и Христомъ-Богомъ попроситъ его ѣхать осторожнѣе на спускахъ. Онъ зналъ это и потому терпѣливѣе своихъ лошадей (въ особенности лѣваго рыжаго Сокола, который билъ ногой и, пережевывая перебиралъ удила) ожидалъ того, что будетъ. Наконецъ всѣ усѣлись; ступеньки собрались и закинулись въ карету, дверка захлопнулась; послали за шкатулкой; графиня высунулась и сказала, что должно. Тогда Ефимъ медленно снялъ шляпу съ своей головы и сталъ креститься. Форейторъ и всѣ люди сдѣлали то же. «Съ Богомъ!» сказалъ Ефимъ, надѣвъ шляпу: «вытягивай!» Форейторъ тронулъ. Правый дышловой влегъ въ хомуть, хрустнули высокія рессоры, и качнулся кузовъ. Лакей на ходу вскочилъ на козлы. Встряхнуло карету при выѣздѣ со двора на тряскую мостовую, также встряхнуло другіе экипажи, и поѣздъ тронулся вверхъ по улицѣ. Въ каретахъ, коляскѣ и бричкѣ всѣ крестились на церковь, которая была напротивъ. Остававшіеся въ Москвѣ люди шли по обѣимъ бокамъ экипажей, провожая ихъ.

Послѣ сраженія подъ Краснымъ.

5 ноября былъ первый день такъ называемаго Красненскаго сраженія. Передъ вечеромъ, когда уже послѣ многихъ споровъ и ошибокъ генераловъ, зашедшихъ не туда, куда надо; послѣ разсылки адъютантовъ, съ противу-приказаніями, когда уже стало ясно, что непріятель везлѣ бѣжить, и сраженія не можетъ быть и не будетъ, Кутузовъ выѣхалъ изъ Краснаго и поѣхалъ въ Доброе, куда была переведена на нѣнѣшній день главная квартира.

День былъ ясный, морозный. Кутузовъ съ огромной свитой недовольныхъ имъ, шущукающихся за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной, блѣдой лошади ѣхалъ къ Доброму. По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ нѣнѣшній день французскихъ плѣнныхъ (ихъ взято было въ этотъ день 7 тысячъ). Недалеко отъ Добраго огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и укутанныхъ, чѣмъ попало, плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго говоръ замолкалъ и всѣ глаза уставились на Кутузова, который въ своей блѣдой съ краснымъ околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутуловатыхъ плечахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

Кутузовъ казался чѣмъ-то озабоченнымъ и не слышалъ словъ генерала. Онъ недовольно щурился и внимательно, и пристально вглядывался въ тѣ фигуры плѣнныхъ, которыя представляли особенно жалкій видъ. Большая часть французскихъ солдатъ были изуродованы отмороженными носами и щеками, и почти у всѣхъ были красные, распухшіе и гноившіеся глаза.

Одна кучка французовъ стояла близко у дороги, и два солдата,—лицо одного изъ нихъ было покрыто болячками,—разрывали руками кусокъ сырого мяса. Что-то было страшное и животное въ томъ бѣгломъ взглядѣ, который они бросили на проѣзжавшихъ, и въ томъ злобномъ выраженіи, съ которымъ солдаты съ болячками взглянули на Кутузова, тотчасъ же отвернулись и продолжали свое дѣло.

Кутузовъ долго внимательно поглядѣлъ на этихъ двухъ солдатъ; еще болѣе сморщившись, онъ прищурилъ глаза и раздужливо покачалъ головой. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ русскаго солдата, который, смѣясь и трепля по плечу француза, что-то дѣсково говорилъ ему. Кутузовъ опять съ тѣмъ же выраженіемъ покачалъ головой.

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятые знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А, знамена! — сказала Кутузовъ, видимо съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли. Онъ разсѣяннo оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его слова, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и, видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офицеровъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кругомъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова: — благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки! — Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, — сказалъ онъ солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ преображенцевъ. — Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура! ребята, — быстрымъ движеніемъ подбородка, обратясь къ солдатамъ проговорилъ онъ.

— Ура-ра-ра! — заревѣли тысяча голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ, блескомъ.

— Вотъ что, братцы... — сказалъ онъ, когда замолкли голоса.

И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: пересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человѣкъ, очевидно что-то самое важное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу, васъ царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ, — хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ, ребята?

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и въ упорныхъ, почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читалъ сочувствіе своимъ словамъ: лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? Подѣломъ, м... и... в.г..., — вдругъ сказалъ онъ, поднявъ голову. И, взмахнувъ нагайкой, онъ галопомъ, въ первый разъ во всю кампанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстроивавшихъ ряды солдатъ.

Слова, сказанныя Кутузовымъ, едва ли были поняты войсками. Никто не сумѣлъ бы передать содержанія сначала торжественной и подъ конецъ простодушно-стариковской рѣчи фельдмаршала; но сердечный смыслъ этой рѣчи не только былъ понятъ, но то самое, то самое чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаниемъ своей правоты, выраженнаго этимъ, именно этимъ стариковскимъ, добродушнымъ ругательствомъ, — это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата и выразилось радостнымъ, долго не умолкавшимъ крикомъ. Когда послѣ этого одинъ изъ генераловъ съ вопросомъ о томъ, не прикажетъ ли главнокомандующій пріѣхать коляскѣ, обратился къ нему, Кутузовъ, отвѣчая, неожиданно всхлипнулъ, видимо, находясь въ сильномъ волненіи.

Изъ романа «Воскресеніе».

Жара въ накаленномъ въ продолженіе цѣлаго дня солнцемъ и полною народа большомъ вагонѣ третьяго класса была такая удушливая, что Нехлюдовъ не пошелъ въ вагонъ, а остался на тормазѣ. Но и тутъ дышать нечѣмъ было, и Нехлюдовъ вздохнулъ всею грудью только тогда, когда вагоны выкатились изъ-за домовъ и подулъ сквозной вѣтеръ.

Нехлюдовъ такъ задумался, что и не замѣтилъ, какъ погода переизмѣнилась: солнце скрылось за передовымъ, низкимъ, разорваннымъ облакомъ, и съ западнаго горизонта надвигалась сплошная свѣтло-сѣрая туча, уже вылившаяся, тамъ, гдѣ-то далеко, надъ полями и лѣсами, косымъ спорнымъ дождемъ. Отъ тучи тя-

нуло влажнымъ дождевымъ воздухомъ. Изрѣдка тучу разрѣзали молнии, и съ грохотомъ вагоновъ все чаще и чаще смѣшивался грохотъ грома. Туча становилась ближе и ближе, косыя капли дождя, гонимыя вѣтромъ, стали пятнать площадку тормазы и пальто Нехлюдова. Онъ перешелъ на другую сторону и, вдыхая свѣжесть и хлѣбный запахъ давно жавшей дождя земля, смотрѣлъ на мимо бѣгущіе сады, лѣса, желтѣющія поля ржи, зеленые еще полосы овса и черныя борозды темно-зеленаго цвѣтущаго картофеля. Все какъ будто покрылось лакомъ: зеленое становилось зеленѣе, желтое — желтѣе, черное — чернѣе.

— Еще, еще, — говорилъ Нехлюдовъ, радуясь на оживающіе подъ благодатнымъ дождемъ поля, сады, огороды.

Сильный дождь лилъ не долго. Туча частью вылилась, частью пронеслась, и на мокрую землю падали уже послѣднія прямыя, частыя, мелкія капли. Солнце опять выглянуло, все заблестѣло, а на востокѣ загнулась надъ горизонтомъ не высокая, но яркая, съ выступающимъ фіолетовымъ цвѣтомъ, прерывающаяся только въ одномъ концѣ, радуга.

— Да, о чемъ, бишь, я думалъ? — спросилъ себя Нехлюдовъ, когда всѣ эти перемѣны въ природѣ кончились, и поѣздъ спустился въ выемку съ высокими откосами. — Да, я думалъ о томъ, что всѣ эти люди: смотритель, конвойные, всѣ эти служащіе, большею частью кроткіе, добрые люди сдѣлались злыми. Онъ вспомнилъ равнодушнаго Масленникова, когда онъ говорилъ ему о томъ, что дѣлается въ острогѣ, строгость смотрителя, жестокость конвойнаго офицера, когда онъ не пускалъ на подводы и не обращалъ вниманія на то, что въ поѣздѣ мучится родами женщина. Всѣ эти люди, очевидно, были непроницаемы для чувства человѣколюбія, „какъ эта мощная земля для дождя“, думалъ Нехлюдовъ, глядя на мощный разноцвѣтными камнями скатъ выемки, по которому дождевая вода не впитывалась въ землю, а сочилась ручейками. „Можетъ быть, и нужно укладывать камнями выемки, но грустно смотрѣть на эту лишенную растительности землю, которая могла бы родить хлѣбъ, траву, кусты, деревья, какъ тѣ, которые виднѣются вверху выемки. То же самое и съ людьми, — думалъ Нехлюдовъ. — Все дѣло въ томъ, что люди думаютъ, что есть положенія, въ которыхъ можно обращаться съ человѣкомъ безъ любви, а такихъ положеній нѣтъ. Съ вещами можно обращаться безъ любви: можно рубить деревья, дѣлать кирпичи, ковать желѣзо безъ любви; но съ людьми нельзя обращаться безъ любви такъ же, какъ нельзя обращаться съ пчелами безъ осторожности. Таково свойство пчелъ. Если станешь обращаться съ ними безъ осторожности, то имъ повредишь и себѣ. То же и съ людьми. И это не можетъ быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной законъ жизни человѣческой. Правда, что человѣкъ не можетъ заставить себя любить, какъ онъ можетъ заставить себя работать; но изъ этого не слѣдуетъ, что можно обращаться съ людьми безъ любви, особенно если чего-нибудь требуешь отъ нихъ. Не чувствуешь любви къ людямъ, сиди смиренно, — думалъ Нехлюдовъ, обращаясь къ себѣ, — занимайся собой, вещами, чѣмъ хочешь, но только не людьми. Какъ ѣсть можно безъ вреда и съ пользой только тогда, когда хочется ѣсть, такъ и съ людьми можно обращаться съ пользой и безъ вреда только тогда, когда любишь. Только позволю себѣ обращаться съ людьми безъ любви, какъ ты вчера обращался съ зятемъ, и нѣтъ предѣловъ жестокости и звѣрства по отношенію другихъ людей, какъ это видѣлъ я сегодня, и нѣтъ предѣловъ страданія для себя, какъ я узналъ это изъ всей своей жизни. Да, да, это такъ, — думалъ Нехлюдовъ. — Это хорошо, хорошо!“ повторялъ онъ себѣ, испытывая двойное наслажденіе прохлады послѣ мучительной жары и сознание достигнутой высшей ступени ясности въ давно уже занимавшемъ его вопросѣ.

Вагонъ, въ которомъ было мѣсто Нехлюдова, былъ до половины полонъ народомъ. Были тутъ прислуга, мастеровые, фабричные, мясники, евреи, приказчики, женщины, жены рабочихъ, былъ солдатъ, были двѣ барыни: одна молодая, другая пожилая съ браслетами на оголенной рукѣ, и строгаго вида господинъ съ кокардой на черной фуражкѣ. Всѣ эти люди, уже успокоенные послѣ размѣщенія, сидѣли смиренно, кто шелкая сѣмечки, кто курия папиросы, кто ведя оживленный разговоръ съ сосѣдями.

Тарасъ съ счастливымъ видомъ сидѣлъ направо отъ прохода, оберегая мѣсто для Нехлюдова, и оживленно разговаривалъ съ сидѣвшимъ противъ него мускулистымъ человѣкомъ въ разстегнутой суконной поддевкѣ, какъ потомъ узналъ Нехлюдовъ, садовникомъ, ѣхавшимъ на мѣсто. Не доходя до Тараса, Нехлюдовъ остановился въ проходѣ подлѣ почтеннаго вида старика съ бѣлой бородой, въ нанковой поддевкѣ, разговаривавшаго съ молодой женщиной въ деревенской одеждѣ. Рядомъ съ женщиной сидѣла, далеко не достававшая ногами до пола, семилѣтняя дѣвочка въ новомъ сарафанчикѣ съ косичкой почти бѣлыхъ волосъ и, не переставая, шелкала сѣмечки. Оглянувшись на Нехлюдова, старикъ подобралъ съ

лянцевиной лавки, на которой онъ сидѣлъ одинъ, полу своей поддевки и ласково сказалъ:

— Пожалуйте садиться.

Нехлюдовъ поблагодарилъ и сѣлъ на указанное мѣсто. Какъ только Нехлюдовъ усѣлся, женщина продолжала прерванный рассказъ. Она рассказывала про то, какъ ее въ городѣ принялъ мужъ, отъ котораго она теперь возвращалась.

— Объ масляницу была, да вотъ Богъ привелъ теперь побывала,—говорила она.—Теперь, что Богъ дастъ на Рождество.

— Хорошее дѣло,—сказалъ старикъ, оглядываясь на Нехлюдова,—провѣдывать надо, а то человекъ молодой избалуется, въ городѣ живучи.

— Нѣтъ, дѣдушка, мой—не такой человекъ. Не то, что глупостей какихъ, онъ, какъ красная дѣвушка. Денежки всѣ до копеечки домой посылаетъ. А ужъ дѣвченкѣ радъ, радъ былъ, что и сказать нельзя,—промолвила женщина, улыбаясь.

Плевавшая смѣчки и слушавшая мать дѣвочка, какъ бы подтверждая слова матери, взглянула спокойными умными глазами въ лицо старичка и Нехлюдова.

— А умный, такъ и того лучше, сказалъ старикъ.—А вотъ этимъ не занимается?—прибавилъ онъ, указывая на парочку: мужа съ женой—очевидно фабричныхъ, сидѣвшихъ на другой сторонѣ прохода.

Фабричный мужъ, приставивъ ко рту бутылку съ водкой, закинувъ голову, тянулъ изъ нея, а жена, держа въ рукѣ мѣшокъ, изъ котораго вынута была бутылка, пристально смотрѣла на мужа.

— Нѣтъ, мой и не пьетъ, и не куритъ,—сказала женщина, собесѣдница старика, пользуясь случаемъ еще разъ похвалить своего мужа.—Такихъ людей, дѣдушка, мало земля родитъ. Вонъ онъ какой,—сказала она, обращаясь и къ Нехлюдову.

— Чего лучше,—повторилъ старикъ, глядѣвшій на пьющаго фабричнаго.

Фабричный, отпивъ изъ бутылки, подаль ее женѣ. Жена взяла бутылку и, смѣясь и покачивая головой, приложила ее тоже ко рту. Замѣтивъ на себѣ взглядъ Нехлюдова и старика, фабричный обратился къ нимъ:

— Что, баринъ? Что пьемъ-то мы? Какъ работаемъ, никто не видитъ. А вотъ какъ пьемъ,—всѣ видятъ. Заработалъ и пью, и супругу подчую. И больше никакихъ.

— Да, да,—сказалъ Нехлюдовъ, не зная, что отвѣтить.

— Вѣрно, баринъ. Супруга моя женщина твердая. Я супругой доволенъ, потому она меня можетъ жалѣть. Такъ, я говорю, Мавра?

— Ну на, возьми. Не хочу больше,—сказала жена, отдавая ему бутылку.—И что лопочешь безъ толку,—прибавила она.

— Вотъ такъ-то,—продолжалъ фабричный:—то хороша-хороша, а то и заскрипитъ, какъ телѣга немазаная. Мавра, такъ я говорю?

Мавра, смѣясь, пьянымъ жестомъ махнула рукой.

— Ну, понесъ...

— Вотъ такъ-то хороша-хороша, да до поры до времени, а попади ей вожжа подъ хвостъ, она то сдѣлаетъ, что и вздумать нельзя... Вѣрно я говорю? Вы меня, баринъ, извините. Я выпилъ, ну, что же теперь дѣлать...—сказалъ фабричный и сталъ укладываться спать, положивъ голову на колѣни улыбавшейся жены.

Нехлюдовъ посидѣлъ нѣсколько времени со старикомъ, который рассказалъ ему про себя, что онъ печникъ, 53 года работаетъ и склалъ на своемъ вѣку печей, что счету нѣтъ, а теперь собирается отдохнуть, да некогда. Былъ вотъ въ городѣ, поставилъ ребятъ на дѣло, а теперь ѣдетъ въ деревню домашнихъ провѣдать. Выслушавъ рассказъ старика, Нехлюдовъ всталъ и пошелъ на то мѣсто, которое берегъ для него Тарасъ.

— Что же, баринъ, садитесь, мы мѣшокъ сюда примемъ,—ласково сказалъ, взглянувъ вверхъ, въ лицо Нехлюдова, сидѣвшій напротивъ Тараса садовникъ.

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ,—сказалъ пѣвучимъ голосомъ улыбающийся Тарасъ и, какъ перышко, своими сильными руками поднялъ свой двухпудовый мѣшокъ и перенесъ его къ окну.—Мѣста много, а то и постоять можно, и подъ лавкой можно. Уже на что покойно. А то вздорить!—говорилъ онъ, сияя добродушіемъ и ласковостью.

Тарасъ говорилъ про себя, что, когда онъ не выпьетъ, у него словъ нѣтъ, а что у него отъ вина находятся слова хорошія, и онъ все сказать можетъ. И дѣйствительно, въ трезвомъ состояніи Тарасъ больше молчалъ, когда же выпивалъ—что случилось съ нимъ рѣдко и только въ особенныхъ случаяхъ,—то дѣлался особенно пріятно разговорчивъ. Онъ говорилъ тогда и много, и хорошо,—съ большою простотою, правдивостью и, главное, ласко-

востью, которая такъ и свѣтилась въ его добрыхъ, голубыхъ глазахъ и не сходившей съ губъ привѣтливой улыбкѣ.

Въ такомъ состояніи онъ былъ сегодня. Приближеніе Нехлюдова на минуту остановило его рѣчь. Но, устроивъ мѣшокъ, онъ сѣлъ попрежнему, и, положивъ сильныя рабочія руки на колѣни, глядя прямо въ глаза садовнику, продолжалъ свой рассказъ. Онъ рассказывалъ своему новому знакомому во всѣхъ подробностяхъ исторію своей жены, за что ее сослали, и почему онъ теперь ѣхалъ за ней въ Сибирь.

Нехлюдовъ никогда не слыхалъ въ подробностяхъ этого рассказа и потому съ интересомъ слушалъ. Онъ засталъ рассказъ на томъ мѣстѣ, когда отравленіе уже совершилось и въ семьѣ узнали, что сдѣлала это Оедосья.

— Это я про свое горе рассказываю,—сказалъ Тарасъ, задумчиво дружески обращаясь къ Нехлюдову.—Человекъ такой попался душевный—разговорились, я и сказываю.

— Да, да,—отвѣтилъ Нехлюдовъ.

— Ну, вотъ, такимъ манеромъ, братецъ ты мой, узналось дѣло. Взяла матушка лепешку эту самую; „иду“, говоритъ, „къ уряднику“. Батюшка у меня старикъ правильный. „Погоди“, говоритъ, „старуха; бабенка—робенокъ вовсе, сама не знала, что дѣлала, пожалѣть надо. Она, може, опаматуетъ“. Куда тебѣ, не приняла словъ никакихъ. „Пока мы ее держать будемъ, она“ говоритъ, „насъ, какъ таракановъ изведетъ“. Убралась, братецъ ты мой, къ уряднику. Тотъ сейчасъ взбулгачился—къ намъ... Сейчасъ понятыхъ.

— Ну, а ты-то что?—спросилъ садовникъ.

— А я, братецъ ты мой, отъ живота валяюсь, да блюю. Все утро выворачиваетъ, ничего и сказать не могу. Сейчасъ запрягъ батюшка телѣгу, посадилъ Оедосью,—въ ставъ. а оттуда къ слѣдователю. А она, братецъ ты мой, какъ сперначала повинилась во всемъ, такъ и слѣдователю все, какъ есть, чередомъ выложила. И гдѣ мышьякъ взяла, и какъ лепешки скатала. „Зачѣмъ, говоритъ, ты сдѣлала?“—„А потому, говоритъ, постылый онъ мнѣ. Мнѣ, говоритъ, Сибирь лучше, чѣмъ съ нимъ жать“, со мной, значить,—улыбаясь, пояснилъ Тарасъ.—Повинилась, значить, во всемъ. Извѣстное дѣло, въ замокъ. Батюшка одинъ вернулся. А тутъ рабочая пора подходитъ, а баба у насъ—одна матушка, да и та ужъ плоха. Думали, какъ быть, нельзя ли на поруки выручить. Поѣхалъ батюшка къ начальнику къ одному—не вышло, онъ—къ другому. Начальниковъ этихъ онъ человекъ пять объѣздилъ. Со всѣмъ ужъ было бросили хлопотать, да попался тутъ человекъ одинъ, изъ приказныхъ. Ловкачъ такой, что на рѣдкость сыскать. „Давай, говоритъ, пятерку,—выручу“. Сошлись на трешницѣ. Что жъ, братецъ ты мой, я ее же холсты заложилъ, далъ. Какъ написалъ онъ эту бумагу,—протянулъ Тарасъ, точно онъ говорилъ о выстрѣлѣ,—сразу вышло. Я самъ вѣщоры уже подвинулся; самъ за ней въ городъ ѣздалъ. Пріѣхалъ я, братецъ ты мой, въ городъ. Сейчасъ кобылу на дворъ поставилъ, взялъ бумагу, прихожу въ замокъ. „Чего тебѣ?“ Такъ и такъ, говорю, хозяйка моя тутъ у васъ заключена. „А бумага“, говорятъ, „есть?“ Сейчасъ подаль бумагу. Глянулъ онъ. „Подожди“, говоритъ. Присѣлъ я тутъ на лавочкѣ. Солнце уже за полдни перешло. Выходитъ начальникъ: „Ты, говоритъ, Варгушовъ?“ Я самый. „Ну, получай“, говоритъ. Сейчасъ отворили ворота. Вывели ее въ одеждѣ въ своей, какъ должно.—Что же, пойдёмъ.—„А ты развѣ пѣшій?“—Нѣтъ, я на лошади.—Пошли на дворъ, расчелся я за постой, запрягъ кобылу, подбилъ сѣнца, что осталось, подъ веретье. Сѣла она, укуталась платкомъ. Поѣхали. Она молчитъ, и я молчу. Только стали подъѣзжать къ дому, она и говоритъ: „А что, матушка жива?“ Я говорю—жива. „А батюшка живъ?“—Живъ.—Прости, говоритъ, меня, Тарасъ, за мою глупость. Я и сама не знала, что дѣлала“. А я говорю: „много баить не подобаетъ; я давно простилъ“. Больше и говорить не сталъ. Пріѣхали домой, сейчасъ она матушкѣ въ ноги. Матушка говоритъ: „Богъ проститъ“. А батюшка поздоровался и говоритъ: „Что старое поминать. Живи какъ получше. Нынче, говоритъ, время не такое, съ поля убираться надо. За скороднымъ, говоритъ, на навозномъ осмйникѣ рожь матушка такая, Богъ далъ, родилась, что и крюкъ не беретъ, перепелась вся и полегла постелью. Выжать надо. Вотъ ты съ Тараской поди завтра, пожнись“. И взялась она, братецъ ты мой, съ того часа работать. Да такъ работать стала, что на удивленіе. У насъ тогда три десятинъ наемныя были, а Богъ далъ, что рожь, что овесъ уродились на рѣдкость. Я кошу, она вяжетъ, а то оба жнемъ, я на работу довокъ, изъ рукъ не вывалится, а она еще того ловчѣе, за что ни возьмется. Баба ухватистая да молодая, въ соку. И къ работѣ, братецъ ты мой, такая завистливая стала, что ужъ я ее укорачиваю. Придемъ домой, пальцы раздуются, руки гудеть, отдохнуть бы надо, а она, не ужинавши, обѣжитъ въ сарай: на утро свясла готовить. Что сдѣлалось.

— И что же и къ тебѣ ласкова стала?—спросилъ садовникъ.

— И не говори, такъ присмелилась ко мнѣ, что какъ одна душа. Что я вздумаю, она понимаетъ. Уже и матушка, на что сердца, и та говоритъ: „Федосья нашу точно подмѣнили, совѣтъ другая баба стала“. Вдемъ разъ на-двоемъ за снопами, въ одной передней сидимъ съ ней. Я и говорю: „Какъ же ты это, Федосья, то дѣло вздумала?“—„А какъ вздумала, говорить, не хотѣла съ тобой жить. Лучше, думаю, умру, да не стану“. „Ну, а теперь, говорю?“—„А теперь, говорить, ты у меня на сердцѣ“.—Тарасъ остановился и, радостно удивляясь, покачалъ головой—

Только убрался съ поля, повесть я цѣпку мочить; прѣвжаю домой,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—глядь, повестька—судить. А мы и думать забыли, за что судить-то...

— Не иначе, какъ нечистый,—сказалъ садовникъ;—развѣ самъ человекъ можетъ вздумать душу загубить. Такъ-то у насъ человекъ одинъ...—и садовникъ началъ было рассказывать, но пойдя сталъ останавливаться.

— Никакъ стащилъ,—сказалъ онъ:—пойти ваниться.

Разговоръ прекратился, и Нехлюдовъ, вслѣдъ за садовникомъ, вышелъ изъ вагона на мокрая доски платформы.

ЗЕМСКОЕ ДѢЛО.

Значеніе кредита для подъема крестьянскаго хозяйства.

(Окончаніе.)

Въ столь же тѣсной зависимости отъ кредита находится приложеніе другой коренной мѣры для подъема сельскаго хозяйства крестьянъ—минеральныхъ удобрений. Есть уже нѣсколько мѣстностей въ Россіи, гдѣ крестьяне ознакомились съ пользой искусственныхъ удобрений, и высоко цѣнятъ эти послѣднія. Такъ, напримѣръ, въ псковской губерніи крестьяне вѣрятъ, что каждый рубль, затраченный на покупку минеральныхъ туковъ, дастъ прибыль отъ 4-хъ до 6-ти рублей (Изъ отчета псковск. общ. сельск. хоз. за 1901 г. «Русск. Вѣд.» 1902 г., № 315-й). Въ семеновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи земскій складъ не можетъ покрыть и половины спроса населенія на фосфоритную муку: такъ быстро растетъ эта потребность. Отчеты многихъ другихъ земскихъ складовъ также обнаруживаютъ пробуждающійся интересъ къ этому вѣрному средству увеличить доходность хозяйства. Но все свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ движеніи, съ ясностью показываютъ, что оно всецѣло обуславливается наличностью кредита. Какъ бы ни были убѣждены крестьяне въ ихъ пользѣ, они не въ состояніи осилить покупки за наличныя деньги и могутъ обзавестись туками лишь при условіи кредита.

Наши земства съ давнихъ поръ начали заботиться о распространеніи лучшихъ пахотныхъ орудій, безъ которыхъ невозможно никакое улучшеніе въ земледѣліи. Въ первое время почти повсюду помощь земства ограничивалась продажей хорошихъ плуговъ, приспособленныхъ къ нашему крестьянскому обиходу, по удешевленной цѣнѣ, зависѣвшей отъ закупокъ ихъ оптомъ. Однако, на первыхъ же порахъ земства замѣтили, что сбытъ плуговъ, несмотря на расположеніе къ нимъ населенія, тормозится недостаткомъ средствъ у крестьянъ для закупки ихъ. Открытіе кредита покупателямъ дало сильнѣйшій толчокъ сбыту плуговъ, и чѣмъ льготнѣе былъ кредитъ, тѣмъ успѣшнѣе вытѣснялась соха. Стоило затруднить или сократить кредитъ, и сбытъ плуговъ тотчасъ ослабѣвалъ.

Говоря о значеніи кредита для улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, мы не можемъ обойти вопроса о сортированіи посѣваго хлѣба. Известно, что хлѣбныя сѣмена у крестьянъ часто бываютъ сильно испорчены примѣсью сорныхъ растений.

Сорная сѣмена приходится употреблять для посѣва въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ сколько потребовалось бы хорошихъ. По приблизительному расчету, сдѣланному тверскимъ отдѣломъ московскаго общества сельскаго хозяйства, излишекъ высѣваемого зерна на губернію составляетъ до 100,000 четвертей ржи и до 300,000 четвертей овса, всего на сумму до 2-хъ милл. руб. Чтобы избавить населеніе отъ неудобныхъ огромныхъ непроизводительныхъ потерь, существуютъ два пути: или возможно частая перемѣна сѣмянъ, или улучшеніе собственнаго посѣваго зерна черезъ возможно тщательное его сортированіе. Сельское населеніе готово было бы прибѣгнуть и иногда прибѣгаетъ къ тому и другому способу, но препятствіемъ на пути къ этимъ улучшеніямъ становится опять недостатокъ капитала и кредита. Московская управа заявляетъ, что крестьяне, не въ силахъ будучи отсортировать какъ слѣдуетъ зерно употребляемыми у нихъ примитивными приемами, вынуждены обращаться къ періодической смѣнѣ сѣмянъ; но эта операція вызываетъ довольно крупный единовременный расходъ, который не подъ силу бываетъ бѣднѣйшимъ домохозяевамъ; послѣднимъ и остается поэтому довольствоваться скуднымъ урожаемъ сорнаго зерна. Гораздо болѣе вѣрными и общедоступными считаютъ специалисты путь очистки и отборки мѣстныхъ сѣмянъ. Но для его примѣненія требуются довольно цѣнные сортировальные приборы, которые притомъ отличаются значительной громоздкостью. Нѣкоторыя зем-

ства пробовали заводить собственные сортировки и перевозить ихъ изъ одного селенія въ другое, но это оказывается неудобнымъ при нашихъ плохихъ дорогахъ. Единственнымъ исходомъ представляется приобрѣтеніе сортировокъ цѣлыми обществами или товариществами домовладѣльцевъ, а это невозможно безъ кредита вслѣдствіе довольно высокой цѣнности болѣе совершенныхъ сортировокъ. Тамъ, гдѣ земство не оказываетъ кредита сельскимъ обществамъ для приобрѣтенія сортировокъ, крестьяне прибѣгаютъ къ найму этихъ орудій у промышленниковъ, занимающихся этою операціей, но при этомъ, понятно, имъ приходится переплачивать немало лишняго по сравненію съ тѣмъ, во что обошлось бы улучшеніе сѣмянъ при собственной сортировкѣ. Московское земство считаетъ, что лишь разсрочка платежа на довольно длинный срокъ, до пяти лѣтъ, можетъ склонить сельскія общества завести эти полезныя орудія. Если принять въ расчетъ опыты тверскаго земства, изъ которыхъ видно, что хорошо отсортированная сѣмена увеличиваютъ урожай почти наполовину, то можно судить, сколько проигрываетъ и безъ того скудное крестьянское хозяйство отъ того, что оно лишено необходимаго кредита на обзаведеніе сортировками.

Многіе изъ нашихъ агрономовъ находятъ весьма выгоднымъ примѣненіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ рядовой сѣялки съ мотыженіемъ междурядій. По мнѣнію г. Шумкова, выраженному въ докладѣ московскому агрономическому съѣзду 1901 года, при помощи названнаго приема возможно удвоить и даже утроить урожай. Но рядовая сѣялка самаго простаго устройства стоитъ болѣе 100 рублей и, значить, опять не можетъ быть пущена въ ходъ иначе какъ при кредитѣ.

Мы съ особенной подробностью остановились на значеніи кредита для осуществленія необходимыхъ, давно намѣченныхъ и уже оправдавшихся улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Мы видѣли, какимъ непреодолимымъ препятствіемъ къ проведенію ихъ въ жизнь является отсутствіе капитала и какъ настоятельно устраненіе этого недостатка при помощи кредита. Если представить себѣ, насколько могла бы увеличиться выручка крестьянина отъ приложенія упомянутыхъ приемовъ, сколько бесполезныхъ усилий было бы сбережено и сколько устранено напрасныхъ страданій отъ своевременнаго устройства подходящихъ формъ кредита, то нельзя не сожалѣть о каждомъ пропущенномъ годѣ. Во всякомъ случаѣ одно является несомнѣннымъ: кто искренно желаетъ улучшенія приемовъ крестьянскаго хозяйства, тотъ долженъ направить одновременно свои усилія на устройство кредита, памятуя, что безъ этого всѣ труды пропадутъ задаромъ или же пойдутъ на пользу немногихъ.

Нужно замѣтить, что зависимость улучшенія мелкаго земледѣлія отъ наличности кредита наблюдается не только у насъ, въ Россіи, но и въ болѣе культурныхъ и богатыхъ западно-европейскихъ странахъ.

А. И. Чупровъ.

Земства и мелкій кредитъ.

Казанское губернское земство, озабочиваясь устройствомъ кассъ мелкаго кредита и кредитныхъ товариществъ для собранія матеріаловъ къ выработкѣ доклада по данному вопросу, обратилось къ губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ Россіи съ просьбой дать свѣдѣнія относительно организациі земствами кассъ и учреждений мелкаго кредита.

Изъ полученныхъ свѣдѣній отъ различныхъ земствъ Россіи видны, какъ сообщаетъ „В. Л.“, слѣдующія данныя относительно участія земствъ въ дѣлѣ организациі мелкаго кредита: 93 земства до сихъ поръ не принимали участія въ дѣлѣ организациі мелкаго кредита; учреждаются кассы для выдачи пособій въ основной капиталъ мелкихъ кредитныхъ товариществъ въ 6 уѣздныхъ и губернскихъ земствахъ; таковыя же функционируютъ въ 15 земст-

вахъ, причѣмъ бессарабское земство въ этомъ отношеніи принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе—въ немъ открыто 6 губернскихъ и уѣздныхъ кассъ.

Черезъ посредство упомянутыхъ кассъ, организованныхъ уѣздными и губернскими земствами организуются мелкія кредитныя учрежденія, выдающія всевозможныя ссуды своимъ членамъ, пользующіяся для организациі ссудами отъ земскихъ кассъ мелкаго кредита отъ 500 до 5000 руб. основнаго капитала и дополнительною отъ управленій мелкаго кредита, съ расчетомъ, въ среднемъ, по 10 руб. на каждаго члена товарищества.

Пропаганда организациі мелкихъ кредитныхъ товариществъ ведется черезъ посредство специальныхъ инструкторовъ, земскихъ агентовъ и агрономовъ. („В. Л.“).

Одна изъ очередныхъ задачъ земской санитаріи.

„С. П. В.“ указываютъ, что среди очередныхъ вопросовъ земской санитаріи есть одинъ вопросъ, который терпѣливо ждетъ своего разрѣшенія. Это—устройство земскихъ бань для бѣднаго сельскаго населенія.

Изъ отчетовъ главнаго врачебнаго управленія о состояніи народнаго здравія въ Россіи видно, что число заболѣвающихъ ежегодно въ Россіи колеблется между 2—3 милліонами случаевъ. Даже въ городахъ санитарное состояніе бань, особенно дешевыхъ, оставляетъ желать многого лучшаго. Въ селахъ же дѣло обстоитъ еще хуже.

Вопросъ о земскихъ баняхъ обсуждался на VIII Пироговскомъ съѣздѣ. Проф. О. В. Петерсенъ въ докладѣ: „Значеніе русской бани въ борьбѣ съ кожными болѣзнями“ представилъ слѣдующія положенія: русскія бани представляютъ одно изъ лучшихъ средствъ для предупрежденія распространенія мѣстныхъ кожныхъ болѣзней, отъ которыхъ населеніе Россіи страдаетъ въ сильной степени; въ данное время во многихъ городахъ Россіи не имѣется еще общественныхъ бань, а существующія бани, въ особенности для бѣднаго населенія, частью въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, вслѣдствіе недостатка воды и др. условий, въ деревняхъ отсутствуютъ бани, а въ другихъ губерніяхъ устройство ихъ въ высшей степени первобытно, а потому и число кожныхъ болѣзней очень значительное. Необходимо выработать типъ дешевой деревенской бани, отвѣчающей требованіямъ здравоохраненія. Съѣздъ высказался за желательность выработки типа дешевой и простой бани для городовъ и селеній.

Однако, прошло нѣсколько лѣтъ, и вопросъ этотъ не сдвинулся съ мѣста и только въ текущемъ году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ указывается на желательность устройства общественныхъ сельскихъ бань.

ТЕКУЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

Ремесленная школа. Ученіе въ ремесленной школѣ Мининскаго Братства (Нижній-Новгородъ, Нижній базаръ, Троицкій пер. № 8) начнется съ 10 сентября. Въ школѣ помимо сапожнаго мастерства съ наступающаго учебнаго года вводится производство изящной дамскаго обуви. Для обученія мальчиковъ приглашенъ специальный мастеръ изъ С.-Петербурга. Изъ учебныхъ предметовъ въ школѣ преподаются Законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, счетоводство, черченіе, рисованіе и технология. Для поступленія въ школу требуется представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса начальнаго училища.

Холерныя заболѣванія. По бюллетеню нижегородской губернской санитарно-исполнительной комиссіи о заболѣваніи холерою въ Н.-Новгородѣ и губерніи за время съ 9 час. утра 23 августа по 9 ч. утра 24 августа по губерніи состояло 115. Заболѣло: за отчетный день—16, съ появленіемъ эпидеміи—450. Выздоровѣло: за отчетный день—16, съ начала эпидеміи—155. Умерло: за отчетный день—6, съ начала эпидеміи—186. Осталось—109, въ томъ числѣ въ районѣ Н.-Новгорода 72.

Вызовъ къ исполненію воинской повинности. Дѣйствія по призыву молодыхъ людей на службу будутъ открыты въ арзамасскомъ уѣздѣ: въ 1-мъ призывномъ участкѣ, въ гор. Арзамасѣ, 25 октября; во 2-мъ участкѣ, въ гор. Арзамасѣ 19 октября и въ 3-мъ участкѣ, въ селѣ Смирновѣ, 15 октября.

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ: въ 1-мъ призывномъ участкѣ, въ гор. Горбатовѣ, 21-го октября, во второмъ призывномъ участкѣ, въ селѣ Павловѣ, 15 октября.

Въ Княгининскомъ уѣздѣ: въ 1-мъ призывномъ участкѣ, въ гор. Княгининѣ, 23 октября; во 2-мъ призывномъ участкѣ, въ с. Кетроси, 15 октября.

Въ Лукояновскомъ уѣздѣ въ 1 призывномъ участкѣ, гор. Лукояновѣ, съ 29 октября; во 2 призывномъ участкѣ, з. г. Починкахъ, 15 октября; въ 3 призывномъ участкѣ, гор. Лукояновѣ, 23 октября; въ 4 призывномъ участкѣ, з. г. Починкахъ, 19 октября;

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ: въ 1-мъ призывномъ участкѣ, въ селѣ Лысковѣ, 23 октября; во 2-мъ призывномъ участкѣ, въ селѣ Воскресенскомъ, 15 октября.

ЖИЗНЬ ВЪ ГУБЕРНІИ.

С. КРУТОЙ-МАИДАНЪ, арзамаск. у. 9 го іюля въ 12 час. ночи у крестьянина Александра Куренкова отъ неизвѣстной причины загорѣлся дворъ. Къ счастью многихъ, погода стояла тихая, и пожаръ ограничился только двумя дворами и однимъ домомъ. Скоро о пожарѣ всѣ какъ будто бы забыли, но случилась исторія, которая всѣмъ вновь напомнила о пожарѣ. Недѣля черезъ три послѣ пожара въ пострадавшему Александру Куренкову явился мѣстный крестьянинъ Николай Мочаловъ, 20 лѣтъ и заявилъ, что сожжетъ Куренкова онъ, Мочаловъ, по найму крестьянки Маріи Куренковой за 2 рубля. (Марія Куренкова живетъ рядомъ съ Александромъ Куренковымъ). Потерявшій Куренковъ, услыша такое неожиданное раскаяніе, призвалъ къ себѣ народу. Пришло нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Молодой преступникъ сидѣлъ впереди и на наши вопросы сталъ рассказывать исторію пожара.

По его словамъ, Марія Куренкова съ мужемъ, которымъ хотѣлось сгорѣть и получить страховку, съ Пасхи донимали Мочалова поджечь сосѣда Александра Куренкова, за что Марія Куренкова будто-бы обѣщала ему 2 рубля. 9 іюля въ 12 час. ночи онъ Мочаловъ и Куренкова будто-бы пошли зажигать. Взяли коноплю, ваты, спичекъ. Куренкова будто-бы держала коноплю, а Мочаловъ поджигалъ. Послѣ этого Мочаловъ убѣжалъ въ коноплю, а черезъ нѣсколько минутъ, когда сбѣжался на пожаръ народъ, Мочаловъ явился на пожаръ и сталъ Куренковой помогать вытаскивать ея пожитки. Послѣ пожара Мочаловъ сталъ просить у Куренковой деньги за свою „работу“, но та будто-бы ему не отдала, ссылаясь на то, что у нея сгорѣлъ только одинъ дворъ. За это онъ унесъ у Куренковой башмаки и продалъ ихъ гдѣ-то за 1 руб. 10 коп., вѣроятно, думая, что Куренкова объ этомъ не будетъ говорить никому. На этотъ разъ пришелъ мужъ Куренковой и за воровство башмаковъ избилъ его. Послѣ этого Мочаловъ явился къ Александру Куренкову и заявилъ о своей винѣ въ поджогѣ. При этомъ просилъ, чтобы его арестовали и отправили въ тюрьму. Дали знать уряднику. Составили протоколъ и посадили Мочалова подъ арестъ. Въ настоящее время онъ уже отправленъ въ арзамасскую тюрьму, и по этому дѣлу идетъ судебное дознаніе.

ИЗЪ ВЕТЛУЖСКАГО КРАЯ. На-дняхъ надъ покровской волостью пронеслась сильная гроза, во время которой убитъ крестьянинъ пер. Абросимова И. И. Тутовъ. Покойный сидѣлъ за столомъ за обѣдомъ, вмѣстѣ съ женой. Тутовъ и лежавшая у его ногъ кошка убиты наповаль. Женѣ обожгло ноги; есть надежда, что она поправится.

— Жатва ржи закончилась. Рожь въ большинствѣ полей отъ бывшихъ въ обилии дождей и вѣтровъ полегла, но наливъ оказался все-таки хорошимъ, хотя нива была гораздо рѣже прошлогодней. Крестьянское населеніе, перебивавшееся кое какъ и кредитовавшееся у „благодѣтелей“, тотчасъ по уборкѣ сноповъ изъ поля принялись за молотьбу; и въ настоящее время многія семьи дѣлаютъ новый хлѣбъ. Умолоть оказался хорошей. Съ суелона (20 сноповъ) намолачиваютъ по 1 пуду 10 ф. и больше. Цѣны на базарахъ на муку держатся высокія—отъ 1 р. 30 коп. до 1 р. 35 к. Яровые хороши, особенно ленъ и овесъ. „Волг.“

ЛУКОЯНОВЪ. (Ассигновка на нижегородскій политехникумъ). Нижегородская городская управа обратилась къ мѣстному городскому общественному управленію съ просьбой внести на обсужденіе собранія уполномоченныхъ вопросъ о послыльномъ участіи гор. Лукоянова въ содержаніи политехникума, о преобразованіи въ который техническаго училища при нижегородскомъ реальномъ училищѣ возбудила передъ правительствомъ ходатайство нижегородская городская дума.

Настоящій вопросъ обсуждался въ послѣднемъ собраніи городскихъ уполномоченныхъ, которое, послѣ преній, постановило: выдавать нижегородской го-

родской управы субсидию на саначениий предмет по 100 руб. въ годъ, каковую сумму и рѣшено включить въ смету на 1909 г., на будущее же время выдавать субсидию на содержание политехникума въ Н.-Новгородѣ, сообразаясь со средствами г. Луконова.

СЕЛО СЛИЗНЕВО, арзамаск. уѣзда. (Потопъ отъ ливня). Слизневцамъ въ нынѣшній годъ буквально не везеть—потопъ за потопомъ. Весною отъ дружнаго тайнаго снѣга, а нынѣ (2 августа) отъ сильнаго ливня. Много страха и убытка пришлось пережить какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Весенній потопъ все-таки былъ не новинка, такъ какъ таковыхъ за послѣднее время было уже не одинъ; послѣдній-же совершенно неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Черезъ какихъ-нибудь полчаса послѣ ливня село Слизнево было раздѣлено на двѣ стороны довольно большою, бурною рѣкою. Благодаря тому, что ливень начался уже въ позднее время—около 5-ти часовъ вечера и скотъ уже подгонялся къ селу и часть его уже переправилась домой, послѣдній былъ почти весь спасенъ за немногими случаями, такъ какъ тотъ скотъ, который загодя переправился домой, перенимался и загонялся на чужіе дворы. Большую скорбь испытала слизневцы, видя гибель уже сжатого хлѣба. Тысячъ 10-ть унесла бурная стихія невѣдомо куда, что при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба составить не малый капиталъ. Расширеніе приходскаго храма, благодаря той-же водѣ, едва ли будетъ закончено, такъ какъ на двухъ кирпичныхъ сараяхъ много попорчено готовившагося матеріала. Не миновали потопа и причтовые сады и огороды. Прискорбно было смотрѣть на потопленіе довольно порядочной пасѣки приходскаго священника. Такого дѣтняго потопа въ селѣ Слизневѣ еще не бывало, какъ говорятъ старожилы.

Г. СЕМЕНОВЪ. (Юбилей). Исполнилось 35 лѣтъ непрерывнаго служенія въ семеновскомъ земствѣ Николаю Евграфовичу Гусеву, которому теперь уже насчитываютъ 80 лѣтъ. Служащіе земской управы отмѣчаютъ этотъ юбилей скромнаго стараго земскаго работника поднесеніемъ серебряной именной табакерки. („Ниж. Лист.“).

О ветлужскомъ рыболовствѣ.

(Посвящается памяти В. И. Снѣжневскаго)

(Окончаніе).

III.

Перехожу къ описанію остальныхъ рыболовныхъ снастей н) Ветлугѣ, которыми промышляютъ разнаго рода частиковую рыбу.* Ихъ можно раздѣлить на четыре группы: сѣтныя, крючковые, древесныя и полотняныя.

а) Сѣтныя снасти подраздѣляются на два вида—аа) плавныя, т. е. подвижныя, движущіяся въ водѣ, и бб) ставныя, прикрѣпленныя къ одному мѣсту, неподвижныя.

аа) Плавныя снасти: 1) сѣть—небольшая, прямая, вязаная изъ нитокъ снасть, середина которой („полотно“) мелкоячейная, а оба крыла („рѣжи“) представляютъ рѣдкую, крупноячейную вязь. Всякая рыба проходитъ свободно сквозь „рѣжи“ и застрѣваетъ въ „полотнѣ“. Чтобы сѣть держалась въ водѣ стѣною, по верху и низу ея прикрѣплены бечевки, причѣмъ на нижней привязаны камушки, величиною немного болѣе грецкаго орѣха, на разстояніи около двухъ четвертей, вслѣдствіе чего сѣть тонетъ равномерно. Къ верхней же бечевѣ придѣланы пробки, которыми сѣть выпрямляется и верхній край ея удерживается на поверхности воды. Сѣтью легко можетъ управиться одинъ человѣкъ, идя по водѣ и таща сѣть за собою. Сѣтями ловятъ рыбу чаще всего на маленькихъ рѣчкахъ и по мелкимъ затомамъ и старицамъ Ветлуги.

2) Бредень—такая же сѣть, но безъ „рѣжей“, а однообразно сплетенная довольно крупными ячейками. Онъ больше и длиннѣе предыдущей „сѣти“, а потому для пользованія имъ нужны два ловца: съ однимъ крыломъ бредеть ловецъ у берега, а съ противоположнымъ крыломъ другой ловецъ заходитъ по приглубой водѣ. Въ бредень лучше всего идетъ рыба ночью и послѣ дождя.

3) Неводъ—большая промысловая сѣть, обычнаго типа. Въ виду слабого развитія на Ветлугѣ рыбныхъ промысловъ, невода здѣсь очень рѣдко встрѣчаются.

4) Оханъ (охань)—сѣть въ родѣ бредня, но много больше его, такъ что для ловли оханомъ требуются 4 ловца, на 2 лодкахъ: два (по одному на каждой лодкѣ) гребутъ, а двое тянутъ оханъ. Первоначальное разстояніе между лодками равняется длинѣ охана, затѣмъ лодки постепенно сближаются, а когда сойдутся, оханъ быстро вынимается въ одну изъ лодокъ. Оханомъ пользуются преимущественно весной, до убыва воды, а также и осенью, въ прибулую отъ дождей воду, т. е. когда въ рѣкѣ стоитъ мутная вода. Ловится оханомъ преимущественно крупная рыба—лещи, сазаны, язи и др.

Иногда ловцы берутъ веревку отъ охана въ зубы, чтобы почувствовать толчекъ каждой рыбы, попавшей въ сѣть, и тотчасъ вытаскивать снасть, пока рыба не успѣла выскользнуть вовъ. Но этотъ приемъ, крайне неудобный и утомительный для ловцовъ, хотя

* Приношу глубокую благодарность Гавриилу Александровичу Богданову (г. Варяванъ, костром. губ.) за сообщеніе многихъ данныхъ о ветлужскихъ рыболовныхъ снастяхъ. Н. О.

очень продуктивный, рѣдко употребляется и преимущественно съ небольшими оханами, гдѣ бываетъ достаточно 2 ловцовъ, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ и гребцами лодокъ. Собственно для удобства гребцовъ, руки которыхъ заняты веслами, веревки отъ охана берутся въ зубы.

бб) Ставныя снасти: 1) *мережки*—ставная сѣть съ приманкою („притравною“). Эта небольшая сѣть вяжется въ видѣ четырехугольнаго кошеля; съ довольно крупными ячейками. Ставится она на быстрины рѣки, часто на самомъ фарватерѣ, послѣ сплава главной массы плотовъ, но не дожидаясь полного прекращенія навигаціи, такъ что пароходы и запоздавшіе плоты иногда натываются на мережки и срываютъ ихъ. Сѣть укрѣпляется на 4 кольяхъ, вбитыхъ въ дно рѣки, такимъ приспособленіемъ, чтобы подъѣхавши къ ней на лодкѣ, можно было въ любой моментъ собрать сѣть въ видѣ закрытаго кошеля и не упустить набившуюся туда рыбу, для приманки которой кладутся на низъ сѣти овесъ, отрубъ, творогъ.

2) *Жакъ*—сѣть въ видѣ продолговатаго закругленнаго кошеля, перехваченнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ обручами и разбитаго ими на нѣсколько отдѣлений, постепенно суживающихся. Переходъ изъ одного отдѣленія въ другое имѣетъ видъ узкой воронки. Къ наружному обручу придѣлываются „крылья“, которые при постановкѣ жака выпрямляются такъ, чтобы рыба не обходила жака и попадала въ его устье. Жакъ ставится въ большую воду на затопленныхъ лугахъ, устьемъ противъ теченія и прикрѣпляется къ тремъ кольямъ, вбитымъ у dna жака и по краямъ его крыльевъ. Въ жакъ попадаетъ болѣе крупная рыба.

3) *Нарота*—тотъ же жакъ, но безъ „крыльевъ“ и съ однимъ наружнымъ обручемъ. Она ставится въ вешнюю воду въ отверстіе плетня или завала, заграждающаго устье затона, глухой, (не проточной) старицы или высыхающаго заливаго озера. Эти „забойки“ или завалы, позволяющіе вылавливать всю рыбу въ затонахъ, старицахъ и пр., очень губительны для рыбности рѣки, такъ какъ не даютъ рыбѣ выхода въ рѣку. Поэтому нарота должна быть причислена къ вреднымъ орудіямъ лова.—Иногда нарота плетется не изъ нитокъ, а изъ мочала.

4) *Наметъ*—такой же, какъ нарота, вязанный изъ нитокъ кошель, который также налаживается на обручъ и прикрѣпляется къ шесту. Наметомъ ловятъ съ берега и преимущественно по ночамъ. Подхватываютъ имъ какъ крупную, такъ и мелкую рыбу.

5) *Сачекъ*—не самостоятельная, а вспомогательная снасть при ловлѣ на удочку, для подхватыванія крупной рыбы, тяжести которой можетъ не выдержать уда. Сачекъ имѣетъ форму и устройство „намета“, но въ маленькихъ размѣрахъ.

б) *Крючковые* снасти (кромѣ вышеописанной „шашковой“, или „черной снасти“): 1) общеизвѣстная *удочка*, о которой нечего распространяться. Стоитъ только отмѣтить особое приспособленіе, къ которому прибѣгаютъ на Ветлугѣ любители этого орудія для приманки рыбы. На прямомъ плесѣ рѣки, гдѣ нѣтъ кравулей, мысовъ и др. береговыхъ излучинъ, рыболовы устраиваютъ изъ выведеннаго въ водѣ отъ берега плетня искусственные затончики, съ такою водою, куда любятъ заходить рыба. Иногда же ограничиваются разбрасываніемъ въ воду у прямыхъ береговъ зеленыхъ древесныхъ вѣтвей, которыя также привлекаютъ рыбу, хотя не въ такой степени, какъ огражденные плетнями затончики.

2) *Подпускъ*—самая распространенная (вмѣстѣ съ „переметомъ“—см. ниже) на Ветлугѣ и самая продуктивная рыболовная снасть. По устройству это та же „черная снасть“, съ нѣкоторыми отличіями и съ тѣмъ, главное, что здѣсь нѣтъ „шашекъ“, а на крючки надѣвается нажива (червяки). Подпускъ (подпуска) состоитъ изъ длинной толстой бечевки, на которой на равномерномъ разстояніи прикрѣплены на тоненькихъ бечевкахъ (иногда на волосѣ) крючки съ наживой. Къ нижнему концу бечевы, на три четверти свободной отъ крючковой, привязывается камень, опускающійся на дно, а верхній конецъ бечевы, также чистый отъ крючковой, привязывая къ „наплыву“ (куску дерева), держащемуся на поверхности воды. Насадивши наживу на крючки, ловецъ съ лодки опускаетъ нижній конецъ бечевы, съ камнемъ, на дно, а затѣмъ медленно выпускаетъ въ воду всю бечеву, пока не дойдетъ до „наплыва“, также выбрасываемаго изъ лодки. Такимъ образомъ, подпускъ держится въ наклонномъ положеніи отъ dna рѣки до поверхности и крючки, съ извивающейся на нихъ наживой, ложатся на дно, а свободно болтаются въ водѣ, на своихъ бечевкахъ, привлекая рыбу. Рыболовъ можетъ ухватить и вернуться къ своему подпуску, когда, по его соображеніямъ, рыба тронула уже всю наживу, т. е. или обѣла ее и ушла, или попала на крючки. Тогда ловецъ схватываетъ за наплывъ и медленно поднимаетъ въ лодку подпускъ, снимая съ крючковой рыбу. Подпуска всегда закидываются вдоль рѣки, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловцы наблюдали усиленный ходъ рыбы.

Конечно, съ подпусковъ рыба иногда также срывается раненою, какъ и съ черной снасти.

3) *Переметь*—точно такая же снасть, какъ подпускъ, но употребляется для ловли болѣе крупной рыбы, а потому на крючки насаживаются не червяки, а мелкая рыбка. Переметь ставится не вдоль, а поперекъ рѣки и иногда захватываетъ всю ширину Ветлуги, конечно, послѣ прекращенія навигаціи, а въ теченіе послѣдней примѣняется послѣ спада вѣшнихъ водъ на проточныхъ старицахъ и др. рукавахъ рѣки.

4) *Блесна*—искусственная блестящая рыбка, сдѣланная изъ жести, съ крючкомъ въ головѣ. Блесну привязываютъ сзади лодки и она довольно удачно приманиваетъ рыбу, которая попадаетъ на крючекъ. На блесну ловится преимущественно хищная рыба—щука и др. На успѣхъ этой ловли можно рассчитывать только въ періодъ нереста, а въ другое время блесна не привлекаетъ совсѣмъ рыбы.

5) *Острога*—довольно распространенное на Ветлугѣ орудіе для ловли крупной рыбы. Она имѣетъ форму виль, съ нѣсколькими зубцами, до 12 штукъ, имѣющими внизу видъ расширеннаго наконечника стрѣлы, благодаря чему, когда острога вонзается въ рыбу, то послѣдняя никогда не можетъ сорваться съ наконечника, разумеется, если ударъ направленъ ловцомъ вѣрно и сдѣланъ твердой рукой. Такимъ образомъ, способъ лова этимъ орудіемъ почти тождественъ лову на крючки, а потому острога можетъ быть причислена къ „крючковымъ“ снастямъ. Острогой пользуются только въ ночное время, когда рыба гуляетъ у береговъ. Чтобы выдѣлать рыбу, на носу лодки раскладываютъ костеръ, либо берется фонарь, освѣщающій воду вглубь. Тутъ же на носу, ставится ловецъ съ острогой и зорко глядитъ въ воду, чтобы не прозвѣвать подвернувшейся рыбы, которую и разить острогой.

в) *Древесная снасти*: 1) *ванда* или *морд а*—воронкособразная корзинка, сплетенная изъ тальниковыхъ прутьевъ, съ загнутыми внутрь краями отверстія, дающими узкій ходъ, куда рыба входитъ свободно, а выйти ей мѣшаютъ острые прутья отверстія. Вандой пользуются преимущественно весной, опускаая въ омуты, гдѣ она удерживается на двѣхъ камняхъ, мѣсто ванды обозначается на поверхности воды «наплывомъ», къ которому привязана веревка отъ ванды.

2) *Клыкало*—старинное орудіе, очень своеобразное, но теперь почти не извѣстное на Ветлугѣ. Это небольшая деревянная дудочка, издающая звуки въ родѣ тѣхъ, какіе издаетъ сомъ. Приемъ ловли тотъ же, какой примѣняется птицеловами для приманки перепеловъ-самцовъ на звуки дудочки, звучащая подобно зову перепелки-самки. Ловецъ на „клыкало“ располагается на лодкѣ или берегу и начинаетъ кликать въ дудочку, подражая зову соминой самки. Дѣлается это въ періодъ нереста, и сомъ сейчасъ же откликается и идетъ на звуки дудочки, попадая въ разставленную сѣть, ванду и т. п., или подъ ударъ остроги. Это старинное ветлужское орудіе, о которомъ не приходилось слышать въ другихъ мѣстахъ, заслуживаетъ вниманіе любителей рыбнаго спорта и, вѣроятно, можетъ быть примѣнено ко всѣмъ крупнымъ породамъ рыбъ, о которыхъ нельзя сказать, чтобы онѣ были совершенно безгласны, какъ принято вообще говорить о рыбахъ.

г) Изъ *полотняныхъ* снастей на Ветлугѣ извѣстна только одна—*недодка* (недотка). Это небольшая изъ полотна снасть; въ родѣ расширеннаго мѣшка, съ матвей. Ловятъ недодкой, какъ бреднемъ: два ловца ведутъ по водѣ оба конца снасти, причемъ, одинъ идетъ около берега, а другой по приглубой водѣ. Недодка употребляется около береговъ и на мелкихъ мѣстахъ, гдѣ водится мелкая рыба, которая обязательно вся, до мальковъ включительно, попадаетъ въ снасть. Такъ какъ недодка очень губительна для мальковъ, то она должна быть отнесена къ числу вредныхъ для рыбной фауны снастей и должна быть запрещена.

Н. Оглоблинъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

О самостоятельномъ чтеніи учениковъ начальной школы.

Задача школы—развить въ ученикахъ любовь къ знанію и стремленіе къ нему. Ея задача—указать имъ тотъ путь, которымъ они могли бы смѣло идти навстрѣчу всѣмъ житейскимъ невздамъ, вооруженные знаніемъ и твердой вѣрой въ себя. Задача—развить въ ученикахъ сознаніе, что съ окончаніемъ школы для нихъ еще

только начинается настоящая наука, что школа только подготовила ихъ къ тому, чтобы дальше они учились сами и пополняли тѣ знанія, какія имъ дала школа.

А такіе порывы къ свѣту и знанію большинство бывшихъ учениковъ сельской школы, лишенныхъ возможности получить дальнѣйшее образованіе, можетъ удовлетворять только хорошей книгой. Но бѣда въ томъ, что наша школа до сихъ поръ совсѣмъ почти не приготавливала ихъ къ такому самообразованію, не развила въ нихъ любви и интереса къ чтенію, чѣмъ только и можно объяснить печальное явленіе рецидива безграмотности, которое встрѣчается въ нашей деревнѣ. Ясно, что школа что-то опускала изъ виду, и опускала что-то важное, если всѣ ея старанія черезъ нѣсколько лѣтъ сводились къ нулю. Тутъ не столько виновато отсутствіе книгъ въ деревнѣ, сколько тотъ тупой индифферентизмъ (безучастное отношеніе) крестьянина къ хорошей книгѣ, съ которою и до сихъ поръ не можетъ справиться наша школа. Если еще въ школѣ дѣти привыкнутъ смотрѣть на чтеніе, какъ на скучный урокъ, то безусловно по выходѣ изъ нея они бѣгутъ отъ книги, бѣгутъ бессознательно, не видя въ ней для себя никакой пользы. Поэтому то и необходимо обратить вниманіе на то, чтобы дѣти еще въ школѣ развили въ себѣ стремленіе къ самообразованію, насколько имъ позволить это деревенская обстановка.

Нигдѣ такъ не развиваются способности учениковъ, какъ при разнаго рода самостоятельныхъ работахъ, а потому достигнуть того, чтобы дѣти сознательно относились къ чтенію, можно только правильной постановкой въ школѣ особаго рода чтенія, чтенія самостоятельнаго. Если дѣти научатся читать самостоятельно еще въ школѣ, то по выходѣ изъ нея они не бросятъ книгу, и такимъ образомъ цѣль будетъ достигнута.

Какъ же въ школѣ должно быть поставлено самостоятельное чтеніе?—Во-первыхъ, матеріалъ для него долженъ быть расположенъ въ строгой системѣ, чтобы онъ дополнял тѣ знанія, какія получаютъ ученики на урокахъ. При такой постановкѣ чтенія ученики уже не будутъ смотрѣть на него только какъ на препровожденіе времени въ часы досуга. Передъ ними ясно встанетъ цѣль, которая должна ими руководить при чтеніи. Они сразу сознаютъ, что, читая, они дополняютъ тѣ знанія, какія получили въ школѣ. А такое сознаніе дастъ уже очень много. Во-вторыхъ—чтобы развить самостоятельность учениковъ, необходимо ввести отдѣльные уроки для бесѣдъ по поводу прочитанныхъ книгъ. На этихъ урокахъ ученики будутъ пересказывать содержаніе книгъ, выяснять общими силами непонятныя мѣста и т. д. Польза отъ такихъ уроковъ будетъ двойная. Тутъ ученики, повторяя содержаніе книги, будутъ лучше усилывать ее, да кромѣ того и къ самому чтенію они будутъ относиться съ большимъ вниманіемъ и интересомъ.

Если до сихъ поръ у насъ не хватило времени для такихъ уроковъ, то съ введеніемъ четырехлѣтняго курса школа имѣетъ возможность обратить на этотъ важный вопросъ уже большее вниманіе. Нужно замѣтить только, что для правильнаго веденія самостоятельнаго чтенія школьныя бібліотеки должны быть составлены совершенно не такъ, какъ онѣ составляются теперь. Тогда необходимо будетъ имѣть по нѣсколько экземпляровъ одной и той же книги, чтобы дать возможность всѣмъ ученикамъ прочесть данную книгу въ небольшой промежутокъ времени. И пусть школьная бібліотека не пестритъ нѣсколькими сотнями названій, а лучше, если въ ней будетъ хотя нѣсколько десятковъ хорошихъ книгъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, и онѣ принесутъ ученикамъ гораздо больше пользы, чѣмъ безсистемное чтеніе и большаго числа книгъ. Теперешнія же бібліотеки при школахъ именно и страдаютъ тѣмъ, что подобраны онѣ въ большинствѣ случаевъ безъ всякой системы, и потому весьма трудно услѣдить за тѣмъ, чтобы ученики читали именно тѣ книги, которыя соотвѣтствуютъ ихъ развитію.

За послѣднее время и въ школьно-учебной литературѣ все больше и больше выдвигается тотъ взглядъ, что самостоятельному чтенію въ школѣ должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ. Такъ составители одного изъ самыхъ новыхъ учебниковъ для начальной школы—Тулуповъ и Шестаковъ независимо отъ того что помѣстили въ своихъ книгахъ спеціальныя отдѣлы статей для самостоятельнаго чтенія, кромѣ того даютъ указатели систематически подобранныхъ книгъ для самостоятельнаго чтенія учениками въ связи съ тѣмъ матеріаломъ, какой въ данное время они проходятъ на урокахъ объяснительнаго чтенія. По этимъ указателямъ и можно сообразно со средствами школы составить бібліотеку, которая и будетъ вполне удовлетворять указаннымъ выше цѣлямъ. (*Перм. Зем. Нед.*).

СТРАХОВОЕ ДѢЛО.

Деревья, какъ противопожарное средство.

Въ «Нижегородской Земской Газетѣ» № 31, помѣщена статья «Наши хранители». Своими наблюденіями я могу только подтвердить справедливость указаннаго въ статьѣ совѣта о насажденіи деревьевъ для защиты отъ пожара, не построекъ однѣхъ, но и всякаго имущества.

Нынѣшнимъ лѣтомъ село Оленино горабовскаго уѣзда начинало горѣть два раза. Несмотря на соломенные кровли дворовъ, благодаря удивившей всѣхъ—защитѣ отъ деревьевъ, оно уцѣлѣло и поплатилось весной только 6 дворами, а лѣтомъ еще меньше: только тремя дворами изъ 104. Само собою разумѣется, прискорбно послѣ пожара смотрѣть и на «защитавковъ», какъ на пораженныхъ войновъ, но за то, рядомъ съ пожарищемъ, въ тѣни сплошныхъ деревьевъ валяются цѣлыми не сгорѣвшими: сельско-хозяйственныя орудія, телѣга, сани, разный скарбъ домашній, а за деревьями стоятъ невредимыми безъ всякаго повода памятники еще помѣщичьихъ временъ—старинныя избы изъ толстыхъ бревенъ.

Земство могло бы оказать значительную помощь населенію, содѣйствуя въ деревняхъ насажденію деревьевъ за счетъ страховыхъ суммъ. Слѣдовало бы поощрять также устройство разсадниковъ скорораствующихъ деревьевъ—тополей и т. п., прямо заказывая ихъ садоводамъ. Этимъ можно было бы оказать поддержку и бѣднѣющимъ садоводамъ, что важно тамъ, гдѣ крестьяне-садоводы хлѣбопашествомъ не занимаются; на примѣръ, село Избылецъ, горабовскаго уѣзда отъ неурожаевъ плодовъ все бѣднѣетъ. Многие владельцы садовъ въ прошломъ году забирали въ лавкахъ товаръ подъ урожай плодовъ, но его не было. Нынѣ весной то же самое—подъ урожай плодовъ, а его опять нѣтъ. Между тѣмъ разсадники у нихъ у многихъ имѣются; сбытомъ изъ нихъ земству подходящихъ деревъ для разсадки по деревнямъ, они и въ неурожайные для плодовъ годы, могли бы получить хорошей кусокъ хлѣба.

Вол. пис. Ф. С. Ноздринъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О травосѣяніи въ с. Пурехѣ.

Весною 1907 г. намъ земство (уѣздное балахнинское) прислало сѣмянъ клевера, которые мы подѣлили равномерно по ревизскимъ душамъ. Этой-же весной по яровому хлѣбу, т. е. заделавъ землю съ сѣменами овса, сѣяли и клеверъ. При сѣвѣ послѣдняго примѣнялась земская сѣялка, но такъ какъ наше населеніе состоитъ изъ 239 рев. душъ, и земли подъ клеверомъ около 70 д., то одна сѣялка удовлетворить всѣхъ не могла. Поэтому примѣнялся сѣвъ и ручной, кто сѣялъ съ опилками, кто съ пескомъ, а кто просто однимъ клеверомъ. Разсѣявши сѣмена, ихъ заделывали, пройдя по разу деревянной бороной вверхъ зубьями. Тѣмъ посѣвъ клевера и кончался.

Черезъ три недѣли клеверъ взошелъ, а при жнитвѣ ярового онъ былъ ростомъ мѣстами до 8 верш. и годенъ косить; мы не косили, дабы не потревожить молодого корня, что помѣшало бы ему развиваться въ будущемъ. Осенью ходили любоваться въ это поле и восхищались раскинутой предъ нашими глазами картиной зеленого ковра, какого раньше и не бывало. Пастба скота по клеверу не допускалась. Оставалось ожидать одного, благоприятной погоды и росту клевера до будущаго урожая.

Въ глухую осень и въ началѣ зимы были сильные морозы, а снѣгу всего было на 1 верш. Можно предположить, что высота и густота клевера предотвратила вымерзаніе корней въ этотъ періодъ сильныхъ морозовъ, а впоследствии снѣгу выпало въ такомъ количествѣ, что можно было вполнѣ быть спокойнымъ за цѣлость клевера. И въ самомъ дѣлѣ, къ нашему счастью, клеверъ не вымерзъ. Это показала уже весна нынѣшняго 1908 года, которая еще вѣрнѣе сулила урожай клевера, что и сбылось.

Клеверъ къ 20 іюлю доходилъ ростомъ до 10 верш. и болѣе и былъ очень плотный; въ среднемъ съ перваго укоса получилось сѣна съ десятины около 400 пудовъ. Въ настоящее время предстоитъ въ нынѣшнее же лѣто второй укосъ, по росту и по полнотѣ можно предположить въ среднемъ съ десятины 350 пуд. Это-ли не богатство!

Теперь думаемъ о полученіи своихъ сѣмянъ клевера на посѣвъ на будущій 1909 годъ по озими. Думаемъ, что земство не откажется намъ помочь. Нужны намъ будутъ сѣятерка для клевера и наставленіе агронома. Сѣять клеверъ необходимо, потому что онъ даетъ возможность нынче-же увеличить количество крестьянскаго скота, а при лишнемъ скотѣ будетъ больше назвуму, который дастъ возможность лучше удобрить землю и

поднять урожайность хлѣбовъ. Съ травосѣяніемъ обработка сѣна куда пришлась дешевле противъ прошлыхъ лѣтъ, косили и убивали своими больше руками, а отъѣздные покосы продавали за излишествомъ, и цѣны сильно были понижены. По отзывамъ односельчанъ раньше, до клевера, на простое сѣно уходило на одну рабочую лошадь посылки ржаной муки 3 пуд. въ недѣлю, а овса 5 пуд., теперь-же на клеверъ высыпаютъ 1 пудъ, и лошадь много хлѣбнѣе, т. е. полнѣе и сытнѣе, а овса не сѣдаетъ съ клеверомъ и 2 мѣрѣ. Наконецъ-то становится ясно для всѣхъ, какую роль играетъ клеверъ въ хозяйствѣ. Еще не точно изслѣдована самими крестьянами дойность рогатаго скота при употребленіи послѣдними клевера, но при томъ, что сейчасъ видимъ, цѣликомъ вѣримъ и въ будущее. По нашему опыту, наше пожеланіе всѣмъ крестьянамъ по возможности повсемѣстно примѣнять правильное полевое травосѣяніе, что дастъ возможность поднять наше состояніе.

Крестьянинъ с. Пуреха К. Старцевъ.

Рожь, какъ кормъ для скота.

Въ «Сельскомъ Хозяинѣ» г. А. Юрмаліать въ замѣчкѣ «Рожь, какъ кормъ для скота», рассказываетъ, какъ готовится зеленый кормъ для скота къ осеннимъ мѣсяцамъ.

«Въ имѣніяхъ Суйда и Бѣлая-Горка, по варшавской желѣзной дорогѣ, около Петербурга, зеленый кормъ для скота къ осеннимъ мѣсяцамъ готовится слѣдующимъ образомъ. Паровое поле пашется еще съ осени, а рано весной уваживается и навозъ запахивается. Потомъ поле рыхлится равдалемъ и боронуется. Поле готовится къ 10 числу іюня для посѣва ржи. Светса обыкновенно рожь «кустовка» 10 пудовъ на десятину, сюда же прибавляется и высѣвается еще 8 пудовъ овса, а потомъ отдѣльно еще по 8 пудовъ вики. Сразу вику съ рожью и овсомъ нельзя сѣять, такъ какъ вика другого вѣса и величины, чѣмъ овесъ и рожь. Всего высѣвается на десятину 10 пудовъ ржи, 8 п. овса и 8 пуд. вики. Посѣвъ слѣдуетъ дѣлать въ нѣсколько приемовъ, съ недѣльнымъ или 1½ недѣльнымъ промежуткомъ, чтобы не все сразу поспѣло. Если посѣять такую смѣсь въ паровомъ полѣ въ половинѣ іюня, то къ началу августа она дастъ уже густой и довольно высокой травостой, который ежедневно, по мѣрѣ надобности, скашивается и скармливается скоту въ зеленомъ видѣ. Такой зеленый кормъ поѣдается очень охотно скотомъ и можетъ длиться отъ начала августа до первой половины октября. Если не успѣть скормить всего до снѣга, то можно дѣлать силосъ, или же, если стоитъ хорошая погода, можно даже высушить. Послѣ снѣга зеленого корма осенью вика и овесъ пропадаютъ, а остаются сильно развившіяся корни и отава ржи, которые и на будущій годъ даютъ хороший урожай ржи. Опытъ показалъ, что скашивание такой смѣси осенью дурного вліянія на урожай ржи не приноситъ, въ особенности, если высѣвается ивановская рожь. Въ этомъ году мнѣ пришлось въ обоихъ упомянутыхъ имѣніяхъ убѣдиться на мѣстѣ, что рожь, которая была посѣяна въ іюнѣ и въ августѣ скошена, вышла лучше остальной озимой ржи. При скармливаніи зеленой ржи слѣдуетъ соблюсти нѣкоторую послѣдовательность и умѣренность. Слѣдуетъ скотъ приучать постепенно, начиная съ 20 и кончая 60 фун. въ сутки на голову. Не слѣдуетъ оставлять скошенную рожь въ кучахъ на полѣ, во избѣжаніе порчи озимыхъ и дурного вліянія согрѣвшейся ржи на организмъ животныхъ. Не слѣдуетъ доводить уборку зеленого корма до позднихъ утренниковъ. Нужно дать время скошенной ржи оправиться. Съ десятины получается до 600 пуд. зеленого корма». («Деревья»).

Сколько слѣдуетъ оставлять меду пчеламъ для зимней стоянки.

Сколько слѣдуетъ взять меда у пчелъ безъ ущерба для благополучной зимней стоянки?—Конечно, это вопросъ не новый. Но столько существенъ, что напомнить о немъ во время безусловно слѣдуетъ.

Въ разборныхъ ульяхъ легко опредѣляется количество меда. Зная, что полная рамка запечатаннаго меда въ Дадановскомъ ульѣ вѣситъ 10—12 фун., а въ Рутковскомъ и Левицкаго 7—9 ф., легко высчитать при осмотрѣ, сколько меда находится въ послѣднемъ. Въ разборныхъ (рамочныхъ) ульяхъ, съ магазинами сверху, принято за правило брать только тотъ медъ, который пчелы нанесли въ магазинъ, а гнѣздовое помѣщеніе оставлять на всѣхъ рамкахъ. Только такія семьи доходны и надежны. Положимъ, иногда берутся изъ гнѣзда боковыя рамки съ медомъ, но это дѣлается только въ томъ случаѣ, когда при осмотрѣ (въ половинѣ августа) находите, что пчелы стянулись на среднихъ 5—7 рамкахъ, а остальные 5 рамокъ совершенно не заняты ими и меду много. Въ такомъ случаѣ, безъ ущерба для пчелъ, можно взять 2—3 рамки съ медомъ. Этимъ же правиломъ надо руководствоваться при отборѣ

меда в рамочных ульях и без верхнего магазина. Вообще, какой бы системы ни был улей, на сильную семью в зимовку следует оставлять от 30—35 фун. меда, на среднюю от 25—30 фун., а слабыя семьи и оставлять на зиму не рекомендуется.

В простых колодах количество меда трудно определить, но и там приблизительно можно высчитать, смотря по заносу в голов улей. Для надежной зимовки, при средней величине колоды, в голов ее должно быть печатного меда не менее 4 вер., а в узких колодах не менее 5—6 вер. При отборе меда нужно помнить каждому пчеловоду, что лучше оставить 3—4 фунта лишнего против принятой нормы, нежели терпеть недостаток перед выставкою. Я уверен, что пчеловоды и сейчас помнить неудачный 1905 год, в котором погибло пчел на зимовку от голода от 50—70%.

Итак, не будем обижать своих маленьких тружениц излишним отбором меда, а постараемся оставить им столько, чтобы хватило не только для зимовки, но и на первое время после весенней выставки. Поступая таким образом, мы не рискуем потерять пчел и избавляемся от неприятных хлопот по части кормления в омшанниках.

На случай неудачных годов, когда и сильные семьи не в состоянии запастись медом на зиму—их подкармливают густым сахарным сиропом, при чем дают большими порциями. Подкормка делается до наступления холодов, чтобы пчелы успели поднять (перенести) подкормку, переработать на медь и запечатать его. (Сиб. Земл.).

Обращение к хозяевам о сборе и присылке образцов пшеницы и полбы.

Бюро по прикладной ботанике ученого комитета главного управления землеустройства и земледелия, приступив к сравнительно-ботаническому изучению всех пшениц и полб, воздвигаемых в Российской Империи, обращается с просьбой к сельским хозяевам, сельскохозяйственным учреждениям, а также лицам, интересующимся данным вопросом, прислать образцы высеваемых пшениц и полб в зрелом (по возможности около 5 фунт., но не менее 1/4 фунта) и колосьях *) (от 20—100) с несколькими отрезками средней части соломины (около 10 отрезков примерно в 1/4 арш. длины). Особый интерес представляют для нас местные пшеницы и полбы. Так как, кроме самых образцов, необходимы некоторые сведения, касающиеся каждого присылаемого образца в отдельности, то бюро просит ответить на вопросы, поставленные на следующем листе и прислать его вместе с образцом. Всякая посылка и всякое относящееся к делу сообщение будут приняты с живейшей благодарностью и лицам, приславшим полные образцы и сведения, по мере возможности, высылаться бесплатно, выходящие с настоящего года, периодические „Труды Бюро“. Расходы по пересылке, упаковке и уплате стоимости зерна не выше 5 фунтов каждого образца, Бюро может принять на себя и посылки могут быть присланы наложенным платежом.

Заведующий бюро по прикладной ботанике Р. Э. Ревель.

Адрес для посылок и писем: С.-Петербург. Главное управление землеустройства и земледелия. Ученый комитет (у Синяго моста). Бюро по прикладной ботанике.

Вопросы, относящиеся к выслаемым образцам пшеницы и полбы.

(Сведения необходимы отдельно для каждого выслаемого образца).

1. Имя, фамилия и адрес лица, высылающего образец? 2. Место сбора образца (губерния, уезд, волость и т. д. **)? 3. Год сбора образца? 4. Под каким местным названием воздвигается высылаемый образец? 5. Откуда, от кого и когда получены впервые семена для посева? 6. Высевается ли свое зерно или покупное (если покупное, то указать откуда и от кого приобретается)? 7. Какова система севооборота (трех-, пяти-, или многопольная)? 8. После какого предшествующего растения или по какому пару высевался высылаемый образец? 9. Сколько зерна высевается на десятину? 10. На какой площади высевается? 11. Как высевался (в разброс или рядами)? 12. Как обрабатывалась почва и на какую глубину вспахивалась? 13. Когда и чем удобрялось поле? Применяется ли искусственное орошение? 14. Время посева? 15. Время появления всходов? 16. Начало кущения? 17. Начало колшения (выметывания колоса)? 18. Время сбора? (к 14—18 указать число и месяц). 19. Какова длина соломины? На что употребляется? Служит ли для плетения? 20. Какова кустистость (сколько стеблей дает зерно)? 21. Какова урожайность в год сбора образца (указать также выше или ниже среднего и почему)? 22. Идет ли зерно на собственное потребление (и на какое) или в продажу? 23. Какие сорта, кроме высылаемого, еще высеваются (если высеваются, то указать также озимые они, или яровые)?

*) Для исследования необходимо, чтобы колосья прибыли весьма хорошо сохранившимися, т. е. так, чтобы не было поломанных или изогнутых остей или высыпавшихся зерен. Поэтому целесообразнее отправлять их или в отдельном деревянном ящике, завернутыми в мягкую, тонкую бумагу, или же, что проще, в мешках, среди зерен; в последнем случае их завертывают сначала в тонкую, мягкую бумагу, отделяя при этом по возможности колосья от колоса бумагой (в полудлину бумаги помещается от 10 до 20 колосьев), а затем обертывают весь сверток ватой, заворачивают в тонкую папку и помещают в самой середине мешка, среди зерен.

**) Если образец выслается не самим хозяином, то просьба сообщить также имя и фамилию лица, у которого собран высылаемый образец.

РАЗНЫЯ СВДНІЯ.

Искусственное точило.

Основу искусственного точила изготовляют из дерева и дают ей желаемую форму, в зависимости от того, для какого употребления предназначается точило. Приготавливают смесь из трех частей простого мездряного клея, одной части вишневого и одной части крахмала, и равномерно смазывают этой смесью основу. Смесь эта пристаёт к дереву очень крепко и смазывать не боится воды. Когда состав вполне застынет, к нему подносят раскаленное докрасна желёзо. От теплоты смесь размягчается, и тогда ее оспаивают наждаком, пемзой, трепелом, стеклом или толченым кирпичем, смотря по надобности.

Такия точила легко исправляются. Стоит только поддержать над поверхностью точила раскаленное желёзо, чтобы смесь начала распускаться, и пасыпать затём наново того же вещества, каким точило было оспано прежде. (Хоз. на Д.).

Приготовление табачного экстракта.

Табачный экстракт, употребляемый для опрыскивания деревьев, пораженных тлею по рецепту, данному г. Шрейнером в журнале „Пчеловодство“ за 1908 г., домашним способом готовится следующим образом:

Берут 1 1/2 фунта табачных стеблей, листьев или крошенной махорки, кладут их в какой либо сосуд и заливают одним ведром горячей воды, при чем всё ведро воды должно равняться 30 фунтам; затём сосуд закрывают плотно прилегающей крышкой и дают жидкости 2—3 дня настояться. Отдлив потом, путем процеживания, табак от настоя, последний выпаривают на легком огне, доводя постепенно до степени густого кофе. Это и будет вытяжка или „табачный экстракт“, из которого берут 1—2 фунта на 100 фунтов воды (2 1/2 ведра) воды, при чем получают 1—2 процентный растительный экстракт, употребляемого против тли. Приготовленный спиритическим способом „табачный экстракт“ обходится значительно дешевле покупного, не уступая ему в качествах.

Къ этому считаем нужным прибавить, что приготовление табачного экстракта отнюдь не должно производиться в жилом помещении. (Хоз. на Д.).

Кровавая моча.

Иногда наблюдается у скота явление кровавой мочи, которая в большинстве случаев не излечивается, и скот гибнет. Но интересно то, что явление кровавая моча только после пастбы на некоторых лугах и пустошах, на которых всегда пасутся одни и те же стада. У скота, пасущегося на других лугах и никогда не попадающего на упомянутые пастбища, кровавая моча не появляется. Съ началом же зимы вообще эта болѣзнь проходит и до лета не открывается.

Причину появления ее еще не так давно считали испорченный корм, пастбу на лѣсных пастбищах, но в настоящее время узнали, что в крови больных коров заводятся паразиты (червячки), переносчиками которых являются клещи.

Лѣчение приносило пользу, если болѣзнь захватывалась в самом начале. При поносе дают в поилку желѣзный купорос (зеленый купорос) или квасцы по 1 золотнику два раза в день. При запоре 3—4 бутылки крепкого отвара из льняного семени или глауберовой соли по 1/4 фунту два раза в день в бутылке воды; для уменьшения жара дают два раза в день по 3 золотника хины.

Заболѣвший скот непременно надо оставлять дома, давать ему сухой корм, болтушку из отрубей или муки и поить чистой водой. Но самое важное—выгнать скот на пастбище лишь тогда, когда роса сойдет с травы, да и то лучше подкормить его дома сухим кормом. Гдѣ есть возможность, непременно надо переменить пастбище, особенно же надо бояться пасты скот в низменных и болотистых мѣстах. (Молочн. Хоз.).

Какъ содержать колеса в порядкѣ, чтобы они не разсыхались.

Колеса высыхают от того, что во время сырой и мокрой погоды вбирают в себя влагу, то есть, воду и расширяются, разбухают: во время засухи вода эта испаряется, дерево сохнет и между концами спиц, ступицей и ободом, а также между ободом и шиной дѣлаются щели. От этого колесо становится непрочным, расшатывается, а потом и совсем разваливается.

Чтобы помочь этой бѣдѣ нужно сдѣлать так, чтобы вода не могла впитаться в колесо. Для этого американские хозяева пропитывают колеса горячим льняным маслом и дѣлают это так.

Закачивают жестянику из толстого кровельного желѣза корытце, длиной в 12 верш., шириной в 4 вершка и глубиной тоже в 4 вершка. В это корытце наливают чистого вареного льняного масла, ставят на горячие угли (на жар) и ждут, пока масло не закипит.

В то же время къ этому корытцу подкатывают повозку или фургон и устанавливают одно колесо так, чтобы оно было поднято и нижней частью опускалось в кипящее масло. Колесо медленно поворачивают, мало по малу масло съ обода стекает на спицы, а по ним и на ступицу, и все колесо пропитывается маслом. Поворачивать одно колесо в масле нужно минут десять.

Можно это сдѣлать и так, чтобы в землю забить два столбика, на них положить толстую палку, между столбиками помѣстить горячие угли, над ними поставить корытце съ маслом и, заранее снявши все колеса съ осей, накатать их по одному на палку и пропитывать маслом.

Если нельзя закалить желѣзнаго корытца, можно сдѣлать корытце и из ревянное, масло грѣть в котелкѣ (казанкѣ); когда оно закипит, вылить в деревянное корытце и дальше поступать, какъ прежде было сказано. Но въ такомъ случаѣ нужно всякій разъ нагревать масло до кипѣнія для каждого откатаннаго колеса.

Пропитанныя маслом колеса необходимо выставить на солнце, повертывать их и дать имъ время совершенно высохнуть.

Лучше всего дѣлать это лѣтомъ, когда тепло и сухо. В это время сдуется заново перетянутыя колеса и пропитать их маслом. В такомъ случаѣ колеса держатся безъ разсыхания и безъ перетяжки годъ, а иногда и два.

Кромѣ колесъ хорошо также пропитывать горячимъ варенымъ льнянымъ масломъ самыя повозки и фугоны, огула, дуги, оковныя рамы, двери, стѣны улья, полы въ избахъ, лѣстницы, вообще, различныя вещи, сдѣланныя изъ дерева, для того, чтобы предохранить ихъ отъ разсыхания и отъ гниения.

Хорошо также смазывать варенымъ льнянымъ масломъ плуги, бороны, сѣнокосилки, жатки, вѣлки, молотилки, вообще всякія сельскохозяйственныя орудія и машины, когда онѣ не въ работѣ. Это сохранить ихъ отъ ржавчины и гниения на многіе лишніе годы.

Сперва всё эти вещи нужно очистить отъ грязи и пыли, потомъ кистью покрывать самымъ тонкимъ слоемъ масла. Много класть масла не годится: не высохнетъ.

Расходъ на это небольшой, а польза—очень большая. (Хоз. на Дону).

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Вопр. № 45. Желательно намъ въ селеніи открыть сельскую библіотеку-читальню, но не знаемъ, куда обратиться съ ходатайствомъ: прошеніе членовъ, или прѣговоръ общества. Своихъ денегъ на книги соберемъ рублей—25-ть, помещеніе для библіотеки найдемъ бесплатное, но на отопленіе и освѣщеніе и жалованье библіотекарю средствъ нѣтъ: гдѣ изыскать намъ средства, на жалованье, отопленіе и освѣщеніе библіотеки, и сколько все это стоитъ?

С. Нехорошево, И. О. Курсановъ.

Отв. Библіотека, открытая по общественному прѣговору, съ небольшой отъ общества ежегодной помощью, можетъ быть по-

ставлена прочтѣе, нежели существующая лишь, какъ частное начинаніе. За помощью на открытіе библіотеки можно обратиться въ земство уѣздное и губернское и въ нижегородское о-во распространенія начальнаго образованія. Губернское земство оказываетъ библіотекамъ помощь книгами, давая ихъ на ту сумму, какая уже собрана изъ другихъ источниковъ, т. е. если напримѣръ, частное пожертвованіе, ассигнованія сельскаго общества, уѣзднаго земства и о-ва распространенія образованія составить (деньгами или книгами)—сто рублей, то книжный складъ губернскаго земства дастъ также книгъ на 100 рублей. Расходы на содержаніе библіотеки можно выяснитъ только по ея размѣрамъ, повременя, въ какое она будетъ открыта для посѣтителей, и т. п. Жалованье библіотекарямъ въ небольшихъ сельскихъ библіотекахъ—рублей пять въ мѣсяць. За всѣми указаніями по устройству библіотекъ можно обращаться въ названное о-во распространенія начальнаго образованія (адресъ—Нижній-Новгородъ, предѣдателью правленія Е. М. Ещину).

В а з а р н ы я ц ѣ н ы .

Уѣзды и рынки.	Число мѣсяца.	ЦѢНА ЗА ПУДЪ.								Стно за пудъ.		Скотъ простой породы (за голову) въ рубляхъ								
		Рожь.	Мука ржаная пестряная.	Мука пшеничная.	Гречневая крупа.	Овесь.	Шсено.	Г р о х ъ.	Картофель.	Шеемное.	Суходольное.	Лошади рабочія.	Коровы на мясо.	Овцы и бараны.	Свиньи.					
												ОТЪ	ДО	ОТЪ	ДО	ОТЪ	ДО	ОТЪ	ДО	
Ариатовскій: с. Ичалово		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Арзамаскій: с. Смирново		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
с. Вадъ	20 авг.	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	45	70	35	43	5	6	10	15	—
Балахнинскій: с. Пурехъ	21 „	—	120	258	180	92	180	180	30	20	—	60	—	40	—	—	—	—	—	—
Васильскій: г. Василь	20 „	—	110	—	190	100	185	—	30	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Горбатовскій: с. Хвощевка		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
с. Сосновское		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Княгининскій с. Бутурлино		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
с. Б. Мурашкино		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лукояновскій: в. г. Починки	21 „	93	88	—	—	65	—	—	—	—	—	60	70	—	—	5	6	—	—	—
Нижегородскій г. Н.-Новгородъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
с. Безводное	19 „	92	87	125	140	—	—	—	—	—	—	70	95	35	55	4.5	7	—	—	—
Сергачскій: с. Гагино	14 авг.	75	85	—	130	80	140	—	—	28	—	40	60	50	70	3	7	5	15	—

ПОГОДА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

за іюнь мѣсяць 1908 г. по новому стилю (19 май.—18 мая стараго стиля) по свѣдѣніямъ сельско-хозяйствен. музея, ниж. губ. земства

Несмотря на слабое атмосферное давленія (747 м.м) и господство западныхъ вѣтровъ, принесшихъ съ собой громадное количество дождей, средняя температура воздуха въ іюнь текущаго года (16,9°) не отличалась особенно рѣзко отъ нормальной (средней за много лѣтъ) температурѣ этого мѣсяца (16,6°). Повышеніе температуры по третямъ шло правильно, равномернo; особенно низкая температура отмѣчена 21 и 22 мая, когда въ массѣ пунктовъ губерніи вмѣстѣ съ дождемъ шелъ снѣгъ.

По количеству осадковъ іюнь нынѣшняго года значительно превосходитъ норму и осадки того же мѣсяца ближайшихъ прошлыхъ лѣтъ: въ 1906 году мы имѣли 40,1 м.м., въ 1907 г.—67,5, а въ настоящемъ году имѣемъ 100,6 м.м. По третямъ распределеніе осадковъ не равномернo: въ первую и третью были наибольшее выпаденіе, въ средней декадѣ выпало всего 16 миллиметровъ. По губерніи осадки распредѣлялись такъ: наибольшее количество ихъ выпало въ балахнинскомъ (13,3 м.м.), нижегородскомъ (130 м.м.), горбатовскомъ и семеновскомъ уѣздахъ, наименьшее выпаденіе отмѣчено для сергачскаго и лукояновскаго (30 м.м.) уѣздовъ. Остальные уѣзды губерніи съ точки зрѣнія количества осадковъ занимаютъ среднее положеніе и располагаются по убывающимъ степенямъ въ направленіи съ СЗ. на ЮВ.

Число дней съ осадками велико—15 въ среднемъ для губерніи, для отдельныхъ же мѣстностей эта цифра повышается до 20 (Кулебаки).

Наибольшее количество осадковъ за сутки выпало въ Несытовѣ (30,0 м.м.), Курцевѣ (27,5 т.т.), Семеновѣ (28,0), Ивашкинѣ (28,0), при чемъ эти дожди въ уурочиваются къ послѣднимъ днямъ мѣсяца.

Грозы отмѣчены повсемѣстно для первой и особенно послѣдней трети мѣ-

сяца. Сильныхъ градобитій по губерніи не было, исключеніемъ является кирюпинская волость, балахн. уѣз., гдѣ 17 іюня ураганъ съ градомъ величиною до грецкаго орѣха очень повредилъ озимыя и яровыя на площади около 1400 десятинъ.

Облачность мѣсяца характеризуется среднимъ балломъ 5, пасмурныхъ дней, въ среднемъ, по губерніи было 8. Преобладали вѣтры западнаго румба (ЮЗ, З и СЗ.); мѣнѣе всего отмѣчено вѣтровъ С. и В.

Въ области мѣрѣ растительнаго отмѣчаемъ слѣдующія наблюденія: 19-го мая (ст. ст.) цвѣтутъ черемуха и рябина (с. Курцево), сирень и яблоня (Городецъ), 20-го цвѣтутъ крыжовникъ и смородина (Городецъ), 25-го цвѣтутъ ландыши, 26 цвѣтетъ земляника (Князь-Шавлово), цвѣтетъ яблоня (въ Курцевѣ), 9-го іюня цвѣтетъ малина, а 14-го васильки и фіалка (Курцево).

Въ мѣрѣ животныхъ: 21 начался летъ майскихъ жуковъ (Городецъ), 30-го деркачи закричали (Курцево), 2 іюня закричала перепелка (Курцево), 4-го появились стрекозы.

Въ отношеніи сельскохозяйственныхъ растений можно отмѣтить, слѣдующія наблюденія: 19-го мая с.с. появились всходы овса ранняго сѣва (Елаховка 21-го рожь начала колоситься (Княгининъ), 22-го появились всходы пшеницы и ячменя (Княгининъ), 26-го рожь идетъ въ трубу (Городецъ) и рожь колосится (Заводъ Плъханова, макар. уѣз.), 28-го рожь колосится (въ Курцевѣ), 30 рожь колосится (въ Городцѣ и Несытовѣ), 5-го іюня всходитъ просо (Княгининъ), 9-го рожь цвѣтетъ (Курцево), 14-го тоже въ Городцѣ, 15-го всходитъ гречиха (Княгининъ).

Замѣчанія, касающіяся сельскохозяйственныхъ работъ: 19-го мая сѣютъ

овесъ, овощи (Курцево), съютъ ленъ и съютъ картофель (Троицкое), съютъ про... инииъ), 28-го возятъ навозъ (Троицкое), 2 июня съвъ лья (Курцево), 7-го съ... со (Князь-Павлово), 21—посѣяли пшеницу (Троицкое), 23-го посѣвъ проса (Кня... ютъ гречиху (Княгининъ), 12-го пашутъ подъ озимь (Троицкое).

Пункты наблюдений.	Средняя температура въ градусахъ Цельсія.				О С А Д К И.										Облачность.			Повторяемость вѣтровъ.												
	З А Ч И С Л А.			За мѣсяцъ.	Сумма осадковъ въ миллиметрахъ.						Число дней съ осадками			Наибольшее количество осадковъ въ 24 часа		Облачность въ десятыхъ доляхъ.	Число ясныхъ дней.	Число пасмурныхъ дней.	Повторяемость вѣтровъ.											
	1-10	11-20	21-30		ЗА ЧИСЛА.			За мѣсяцъ.	Нормальн.	За числа.			Миллиметры.	Какого числа.	С.				СВ.	В.	ЮВ.	Ю.	ЗС.	СЗ.	Т Н О.	Число сильныхъ вѣтровъ.				
				1-10	11-20	21-30	1-10			11-20	21-30	1-10				11-20	21-30													
Семеновъ	14,2	17,0	18,1	16,4	43,5	23,0	61,8	128,3	80,0	8	5	6	19	28,0	23	6	5	12	5	4	14	11	13	2	24	12	5			
Шалдежь, семеновск. у.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Курцево, балахнин. у.	13,4	18,4	20,1	17,3	58,5	15,2	68,2	141,9	—	7	5	6	18	27,4	30	6	7	14	1	25	5	13	0	8	16	16	6	11		
Пурехъ, бал. у.	13,4	18,9	18,3	16,9	60,3	18,9	45,4	124,6	—	5	4	5	14	21,2	8	5	8	8	0	1	2	6	6	4	29	5	36	0		
Городецъ, бал. у.	12,7	15,6	17,6	15,3	45,9	13,6	52,3	111,8	—	5	3	6	14	18,4	30	6	6	11	3	23	0	12	3	2	6	38	3	1		
Балахна	13,0	16,3	17,9	15,7	64,2	16,3	86,5	167,0	—	7	6	6	19	23,2	30	5	9	8	13	13	5	16	8	5	12	4	14	1		
Несытово, бал. у.	13,3	17,2	18,9	16,5	28,7	16,7	78,5	123,9	—	4	2	6	12	30,0	22	6	2	7	3	17	5	5	1	5	12	33	9	0		
Троицкое, мак. у.	12,2	16,3	18,8	15,8	31,3	19,3	34,9	85,5	—	6	5	3	14	23,4	23	6	5	9	0	10	9	22	9	20	5		7	8		
З. Плѣханова, бл. с. Неет.	13,8	16,2	18,4	16,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	7	9	10	1	3	4	1	4	16	4	47	0		
Макарьевъ	—	—	—	—	45,9	17,2	59,8	122,9	—	6	5	5	16	18,7	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Нижний-Новгородъ	13,3	16,5	19,0	16,3	62,6	30,0	70,3	163,2	—	7	6	6	19	25,1	30	6	5	10	4	7	10	13	3	10	14	16	13	0		
Норм. для Н.-Новгорода	15,9	17,3	18,5	17,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Афонасьево, ниж. у.	14,1	16,7	17,7	16,2	43,3	11,3	71,4	126,0	—	5	5	5	15	22,7	30	5	7	5	4	9	16	6	10	6	28	11	0	10		
Д.-Константиново, ниж. у.	—	—	—	—	37,8	12,5	48,8	99,1	—	6	3	6	15	20,6	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Горбатовъ, ниж. у.	14,9	18,0	19,1	17,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	5	9	0	9	5	0	15	11	15	21	14	9		
Фокино, вас. уѣз.	13,7	15,8	18,0	15,8	61,6	21,4	56,2	139,2	—	8	6	5	19	24,8	30	5	5	10	6	11	8	6	7	24	7	7	14	—	—	
Сомовка, васил. уѣз.	14,5	16,4	18,7	16,5	59,2	23,3	32,0	114,5	—	9	6	5	20	15,6	6	5	8	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Воротынецъ, вас. уѣз.	13,0	16,1	17,0	15,4	53,2	23,2	31,3	110,7	—	7	7	5	19	16,4	9	5	6	6	10	7	6	9	1	18	13	4	20	3		
Антоново, васильск. у.	14,5	18,0	19,6	17,4	47,6	8,4	22,6	78,6	—	5	2	4	11	15,3	9	6	4	8	8	1	0	4	5	12	5	13	42	1		
Курмышъ, симб. губ.	14,8	17,5	20,5	17,6	50,4	18,8	10,0	79,2	—	7	5	5	17	16,3	6	5	5	6	1	6	6	14	2	16	10	15	20	2		
Княгининъ	14,5	19,0	18,9	17,5	—	—	—	80,0	—	—	—	—	—	—	—	5	5	6	0	8	5	16	19	30	8	4	0	0		
Земск. пл. пят. кн. у.	16,7	17,7	18,5	17,6	20,9	6,9	27,0	54,8	—	3	3	2	8	17,0	9	6	4	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
В. Мурашкино, княг. у.	15,9	18,9	20,6	18,5	17,5	9,6	27,0	54,1	—	6	7	4	17	13,3	24	5	7	2	0	11	9	10	1	19	4	9	27	0		
Каменищи, княгин. у.	16,0	18,8	21,0	18,6	47,2	33,4	28,2	103,8	—	7	5	5	17	25,1	14	5	8	7	18	5	8	7	8	8	17	6	13	6		
Князь-Павлово, княг. у.	—	—	—	—	39,4	18,6	31,7	92,7	—	6	3	5	14	19,7	25	5	10	11	0	9	12	1	7	11	26	3	21	0		
Кашино, серг. у.	—	—	—	—	19,4	11,8	8,4	39,6	65,0	6	2	4	12	9,7	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Черновское, сергач. у.	15,7	17,2	20,4	17,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	4	6	2	9	0	18	5	26	7	23	0	0		
Чукалы, сергачек. у.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	3	3	4	1	10	2	19	18	15	11	10	0		
Ивашкино, арзам. у.	14,4	17,5	18,7	16,9	57,5	18,6	72,5	148,6	—	7	5	5	17	28,0	24	5	8	9	2	8	5	17	2	19	20	11	6	2		
Арзамасъ	15,3	17,3	18,8	17,1	45,6	14,2	47,2	107,0	—	6	2	4	12	20,6	23	6	4	8	3	9	2	16	3	19	0	18	20	0		
Измайлово, арзам. у.	—	—	—	—	26,5	4,5	65,9	96,9	—	5	3	5	13	25,5	24	6	4	9	4	0	7	14	20	19	7	5	13	2		
Кулебаки, ардат. уѣз.	—	—	—	—	72,9	12,3	54,8	140,0	—	9	4	7	20	25,6	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кужендево, ардат. у.	15,9	18,5	19,0	17,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	6	4	5	5	0	22	7	34	6	10	0	9		
Гари, ардатов. у.	14,6	17,5	19,1	17,1	19,2	8,3	42,2	69,7	—	5	3	4	12	24,3	30	5	9	7	6	0	8	1	26	8	17	0	24	0		
Лукояновъ	—	—	—	—	19,2	9,5	5,2	33,9	—	5	2	2	9	13,0	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Едфимово, лукоян. у.	15,6	17,8	19,4	17,6	16,2	13,2	6,3	35,7	—	5	3	5	13	10,8	14	5	8	7	8	2	6	6	12	9	12	2	33	3		
Починки, лукоян. у.	—	—	—	—	6,0	8,8	7,2	22,0	—	3	3	3	9	5,4	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Верякушка	—	—	—	—	—	—	—	60,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Елховка, ниж. у.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Шагаево, лук. у.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Средн. по губернии	14,4	17,3	18,9	16,9	41,4	16,8	43,4	100,6	—	6	4	5	15	—	—	5	6	8	4	8	6	10	8	14	13	12	15	8		